

Э П И З О Д Ъ

ИЗЪ ИСТОРИИ

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

СОЧИНЕНІЕ

Н. А. ЛАВРОВСКАГО.

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.

1873.

ЭПИЗОДЪ

изъ

ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

I.

А. И. СТОЙКОВИЧЪ.

Много шума надѣлало въ свое время въ Харьковѣ дѣло по обвиненію въ занятіяхъ торговлей Ректора Харьковскаго Университета, А. И. Стойковича. Какъ великъ былъ соблазнъ, возбужденный этимъ дѣломъ, и какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное имъ на современное мѣстное общество, а, слѣдовательно, и какъ много повредило оно репутаціи только что начинавшаго свою жизнь въ Южно-Русскихъ степяхъ Университета, можно судить по тому, что до сихъ поръ слухъ о немъ свѣжо сохранился въ устныхъ преданіяхъ: до сихъ поръ, какъ скоро рѣчь заходитъ о старинѣ Харьковскаго Университета, на первый планъ выступаетъ злосчастное дѣло Стойковича, и весьма неблагоприятнымъ свѣтомъ освѣщаетъ всю эту сторону. А между тѣмъ эта сторона сама по себѣ ни какъ не заслуживаетъ такого освѣщенія и достойна полного уваженія.

Яркость свѣта и свѣжесть преданія объясняются не только тѣмъ, что, по обычному порядку, худая молва живучѣе и крѣпче запоминается, чѣмъ добрая, но и тѣмъ, что общество, среди котораго неожиданно очутился Университетъ, говоря вообще, не было въ состояніи оцѣнить дѣйствительныя его достоинства и заслуги, а по тому и не сдерживалось въ распространеніи слуховъ о скандалѣ, вполне ему доступномъ и понятномъ. Живя крѣпко въ преданіи, слухъ объ этомъ скандалѣ перешелъ и въ печать, и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, повторяется чуть не каждый разъ, какъ только заходитъ рѣчь о старинѣ Харьковскаго Университета: рѣдкое воспоминаніе о послѣдней обходится безъ исторіи о торговлѣ Ректора Стойковича. Печать въ этомъ случаѣ опирается

не на одно преданіе, а и на записанныя современные показанія, большею частію частнаго характера, рѣдко на официальные. Главнѣйшимъ источникомъ для этихъ, повторяющихся въ печати, извѣстій служатъ записки современнаго происшествію Профессора Латинской Словесности Роммеля, прослужившаго въ Харьковскомъ Университетѣ три съ половиною года (отъ 17 Января, 1811 года, до половины Іюля, 1814 г.) и писавшаго свои записки въ 1854 году, въ глубокой старости (ему было тогда 73 года), сорокъ лѣтъ спустя по выѣздѣ изъ Харькова. ¹ Мы приведемъ здѣсь относящееся сюда мѣсто этихъ записокъ, вмѣстѣ съ краткой характеристикой Стойковича, выпуская то, что относится къ дохарьковской его жизни, или что не идетъ къ нашему дѣлу. «Нашимъ геніемъ добра и зла, говоритъ Роммель, былъ многоопытный, отлично изучившій слабыя стороны Русскихъ и Пѣмцевъ, честолюбивый Сербъ, Стойковичъ. Его высокая, худошавая фигура, строгое съ орлинымъ носомъ лицо, вызывали уваженіе, а рѣдкій даръ слова и административные таланты упрочили за нимъ огромное вліяніе. Онъ получилъ образованіе въ Геттингенѣ и, какъ Профессоръ Физики и писатель, по общему мнѣнію, былъ не столько самостоятельный ученый, сколько искусный компиляторъ. Составленный имъ учебникъ Физики былъ принятъ или привилегіе навязанъ въ руководство Гимназіямъ, и доставилъ ему значительную сумму денегъ. Но скромныя занятія ученаго не были его призваніемъ, и настоящая арена открылась для него съ выборомъ въ Ректоры: въ теченіи трехъ лѣтъ онъ вполне развернулъ необыкновенную, можно сказать, политическую свою, дѣятельность... Вмѣстѣ съ Стойковичемъ основали мы при Университетѣ ученое Общество ² и приняли въ члены его Губернатора,

¹ Записки Роммеля помѣщены въ 5-мъ томѣ сборника Фридр. Бюлау: «Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen. Leipz. 1854», стр. 421—600. Та часть записокъ, которая относится къ Харьковской жизни Роммеля, переведена на Русскій Г. Балясынымъ, подъ заглавіемъ: «Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковского Университета. Харьковъ. 1868.» Моп замѣтки объ этомъ переводѣ, а также извѣстія о немъ въ «Вѣстникѣ Европы» за тотъ же годъ (Декабрь), помѣщены въ 26—27 №№. «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1869 года.

² Это было, такъ называемое, «Общество наукъ» при Харьковскомъ Университетѣ, утвержденное 6 Ноября, 1812 года. Оно состояло изъ двухъ отдѣленій: Естественныхъ наукъ, куда относилась не только Физика въ пространномъ смыслѣ, съ Химіею и Математикою, но и Врачебныя и другія науки, основывающіяся на созерцаніи и испытаніи природы, и Словеснаго, заключавшаго

Архіерея и всѣхъ образованнѣйшихъ почетныхъ лицъ въ окрестностяхъ. Русскимъ очень льстили почетные дипломы; мнѣ предложено председательство. Но тутъ вмѣшалось нашествіе Французовъ, раздувшее ненависть ко всѣмъ иностранцамъ; въ слѣдъ за тѣмъ общій взрывъ патріотизма выдвинулъ на первый планъ національное чувство Русскихъ и, заглушивъ всѣ другіе интересы, побилъ въ зародышъ почти всѣ наши ученые планы. Около того же времени Стойковичъ принужденъ былъ искать другой арены. По немногу открылись его торговыя спекуляціи, подрывавшія казну и состоявшія въ беспошлинномъ ввозѣ иностранныхъ товаровъ, особенно Венгерскаго вина. Началось скандальное слѣдствіе; онъ лишился должности.³ М. И. Сухомлиновъ, въ «Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи», выражается очень кратко о дѣлѣ Стойковича, ссылаясь на официальные документы, хранящіеся въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. «Переселяющимся изъ за границы Профессорамъ, говоритъ онъ, дозволено было провозить беспошлинно вещей или пожитковъ на три тысячи рублей. Оказалось, что однимъ изъ лицъ, пользовавшихся этимъ правомъ, вывезено красное вино въ огромномъ количествѣ, а также эстампы, женскія украшенія, гранаты и разныхъ сортовъ ленты, которые разсылались для продажи по округу. Русскіе Профессора и нѣкоторые изъ иностранныхъ возстали противъ злоупотребленія и просили объ освобожденіи Университета отъ пришельца, который подвергался бы неминуемой карѣ въ своемъ отечествѣ и который запятналъ почтенное званіе въ глазахъ всѣхъ умныхъ честныхъ

въ себѣ «науки и знанія, относящіяся къ языкамъ древнимъ и новѣйшимъ и ихъ литературѣ, слѣдовательно: Эстетика, Филологія, Археологія, древняя и новая Исторія, со всѣми вспомогательными науками.» Общество должно было издавать ежегодно одинъ томъ «разсужденій» (commentationes) на Латинскомъ языкѣ, заключающій въ себѣ «все, что относится къ распространенію наукъ и званій, новѣйшія открытія самыхъ членовъ, или другихъ ученыхъ мужей, и вообще все то, что въ ученомъ свѣтѣ должно быть извѣстно,» и «дневныя записки» на Русскомъ языкѣ (diaria), въ которыхъ должно помѣщаться то, «что для какого либо класса гражданъ въ отечествѣ полезно и извѣстно быть должно;» объемъ послѣднихъ для каждаго года не опредѣлялся, какъ зависѣвшій «отъ неудобопредвидимыхъ обстоятельствъ» (Дѣла 1812 г. № 53).

³ «Пять лѣтъ,» и проч. стр. 71. Стойковичъ опредѣленъ Профессоромъ Физики въ Харьковскій Университетъ 1 Ноября, 1803 года, и былъ въ первый разъ Ректоромъ, по выбору Совѣта, въ 1807 году (утвержденъ 1 Дек., 1809 г.), а во второй разъ, по смерти Рижскаго, утвержденъ на три года въ 1811 году.

людей» (I, 137). « По интересу и важности дѣла, по краткости и общности существующихъ о немъ печатныхъ извѣстій, а также въ виду продолжающагося разнообразнаго устнаго преданія о немъ, едва ли можетъ показаться излишнимъ изложеніе его въ томъ видѣ, въ какомъ оно сохранилось въ современныхъ дѣлахъ Университетскаго архива, особенно въ журналахъ Совѣта.

Въ засѣданіи Совѣта 18-го Сентября, 1812 года, Адъюнктъ по Архитектурѣ Васильевъ ⁵ представилъ обширный Рапортъ слѣдую-

⁴ Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи,» М. П. Сухомлинова, I, 93—95.

⁵ Евгеній Алексѣевичъ Васильевъ обучался въ Горномъ Корпусѣ (1786—1793), и слушалъ Гражданскую Архитектуру у извѣстнаго Архитектора Гваренги, и экзаменовался въ Главномъ Правленіи Училищъ у Академика Воронихина; служилъ сначала въ С.-Петербургскомъ Городовомъ Магистратѣ, потомъ Засѣдателемъ въ Богодуховскомъ Земскомъ Судѣ, откуда, по Именному Указу, причисленъ къ Кабинету Его Величества (1802). Въ Харьковскій Университетъ опредѣленъ Адъюнктомъ по Архитектурѣ 24 Ноября, 1803 года, и здѣсь, сверхъ своихъ обязанностей, въ теченіе слишкомъ осьмью лѣтъ, по Іюнь 1812 года, исправлялъ должность Университетскаго Архитектора, такъ какъ во все это время не было при Университетѣ особаго Архитектора. Кромѣ того, съ 1805-го года по 1810-й, онъ былъ Синдикомъ Университета. За составленный имъ планъ Университета, признанный Министромъ и всѣми членами Главнаго Правленія Училищъ «весьма красивымъ и доказывающимъ знаніе въ Архитектурѣ и дарованія трудившагося надъ онымъ», онъ получилъ отъ Попечителя Округа, въ Октябрѣ 1805 года, полную благодарность (Посл. сп. 1812). Приведенъ здѣсь характеристику Васильева изъ собственноручныхъ замѣтокъ Студента Харьковскаго Университета, одного изъ первыхъ выпусковъ, недавно скончавшагося, Т. С. Селиванова. «Е. А. Васильевъ человекъ былъ замѣчательный, и мало тѣхъ въ городѣ Харьковѣ, кому бы онъ не былъ извѣстенъ, да и мало было изъ людей порядочныхъ, особенно изъ купцовъ, съ кѣмъ бы онъ не былъ знакомъ; имѣлъ большія природныя способности и хорошія свѣдѣнія по многимъ частямъ. Онъ, кромѣ Архитектуры, читалъ Алгебру, знакомъ былъ съ Физикою и Химіею, но былъ безпеченъ, часто не бывалъ на лекціяхъ и Архитектуру свою часто облакалъ въ забавныя формы. Весельчакъ единственный, любитель и любимецъ веселыхъ компаній; въ одинъ иногда и тотъ же вечеръ на двухъ, или трехъ, свадьбахъ бывалъ, и отъ добрыхъ людей, по тогдашнему выраженію, не отставалъ. Все, что въ Харьковѣ до 1832 года построено лучшее, начиная отъ Дворянскаго Собранія, Университетскихъ зданій и Соборной колокольни, до купеческихъ порядочныхъ домовъ, есть его, Васильева, произведеніе. Много въ то же время построено зданій по планамъ и фасадамъ Городоваго Архитектора и Землемѣра Чернышова, но Чернышовъ преимущественно руководствовался совѣтами Васильева. Онъ, Васильевъ, былъ человекъ прямой, безъ претензій, могъ получать большія деньги и подарки, но получалъ немного, и изъ того не все домой приносилъ. Человекъ былъ безпечный и беззаботный.»

щаго содержанія «14-го Августа того же года получилъ онъ отъ Правленія Университета предписаніе объяснить причины двукратнаго самовольнаго отъѣзда изъ Харькова во время вакацій, и въ послѣдній разъ тогда, когда ему, по болѣзни Университетскаго Архитектора, поручено было Совѣтомъ составить смѣту, въ слѣдствіе чего онъ цѣлую недѣлю долженъ былъ трудиться надъ составленіемъ плановъ, и при томъ въ то время, когда Университетскій Архитекторъ былъ совершенно здоровъ и ничѣмъ не занятъ. Изъ этого предписанія онъ заключилъ, что Ректоръ Стойковичъ питаетъ противъ него «какую-то скрытую ненависть и желаніе запятнать его репутацію предъ Правительствомъ и Членами Совѣта», и въ доказательство приводитъ три предписанія Ректора ему же отъ прошлаго года: въ первомъ, отъ 24 Іюня, Ректоръ требовалъ, чтобы онъ, выходя изъ дома, говорилъ своимъ домашнимъ, гдѣ его можно отыскать, такъ какъ въ немъ часто оказывается надобность, а посланные никогда не находятъ его дома; во второмъ, отъ 24 Іюля, присланномъ въ тогдашнее его мѣсто-пребываніе, въ ста верстахъ отъ Харькова, съ нарочно отправленной на его счетъ эстафетой, Ректоръ требовалъ объясненія, почему онъ, получивши отпускъ только на недѣлю, находился въ отлучкѣ болѣе мѣсяца, и немедленнаго возвращенія въ Харьковъ, съ угрозою, въ противномъ случаѣ, донести Начальству; между тѣмъ по возвращеніи, пишетъ Васильевъ, никакого дѣла поручено ему не было; третьимъ предписаніемъ, отъ 16 Сентября, Ректоръ требовалъ отъ него, чтобы онъ ежедневно осматривалъ работы на крышахъ Университетскихъ зданій и слѣдилъ за доброкачественностію кровельныхъ матеріаловъ. Всѣ эти оскорбленія онъ переносилъ великодушно, надѣясь, что Ректоръ сохранить должное приличіе; но онъ не только упорно продолжалъ испытывать мое терпѣніе, но и обвинялъ меня въ неповиновеніи власти. Обвиненіе въ самовольной отлучкѣ изъ Харькова измышлено самимъ Ректоромъ, такъ какъ я отлучился изъ Харькова во время вакацій, когда всѣ Профессоры, по Уставу, свободны отъ занятій, а по тому я не считалъ нужнымъ спрашивать, гдѣ мнѣ жить и какъ проводить время. Вся вина моя въ томъ, что я не сдѣлалъ должнаго заявленія о своемъ отъѣздѣ изъ города; цѣль же всѣхъ предписаній Ректора была та, чтобы лишить меня доходовъ, приобретаемыхъ мною отъ занятій постройками для част-

ныхъ лицъ и необходимыхъ для содержанія моего многочисленнаго семейства.»⁶

За тѣмъ начинается вторая часть Рапорта, связанная съ предыдущею только внѣшнею связью и заключающая въ себѣ доносъ на Ректора.

«Но могъ ли я, восклицаетъ Васильевъ, просить отпуска у Ректора, который своими предписаніями нанесъ мнѣ столько оскорбленій? Я по неволѣ забылъ къ нему должное уваженіе. Можно ли человѣку, ни чѣмъ не запятнавшему свою службу, уважать Начальника, который изъ Университета сдѣлалъ торговое мѣсто, открывъ въ погребахъ его ведерную и бутылочную продажу вина?

«Могъ ли я дорожить мнѣніемъ того Начальника о моемъ отъѣздѣ изъ Харькова во время вакацій, который самъ, въ продолженіе цѣлаго года, не посѣщалъ аудиторіи? Возможно ли честному Члену Совѣта прійти съ просьбою объ отпускѣ къ Ректору, который самопроизвольно передалъ торговкѣ Розаліи имущество Учителя Билинскаго, принадлежащее пенсіонной суммѣ? Какого уваженія заслуживаетъ Начальникъ, который унизилъ свое званіе до мелочнаго торгоша лентъ, матерій, гранатъ, эстамповъ? Всѣ эти самопроизвольныя и незаконныя дѣйствія, столь явно совершаемыя, безъ сомнѣнія, извѣстны всѣмъ Членамъ Совѣта и не открыты Высшему Начальству только по тому, что сообщеніе этого рода имѣло бы видъ доноса, всегда представляющагося каждому Русскому чѣмъ-то ужаснымъ, и я самъ никогда бы этого не сдѣлалъ, если бы самъ Ректоръ не потребовалъ отъ меня актомъ показать причины моего къ нему неуваженія.» Въ заключеніе Васильевъ требуетъ себѣ законнаго удовлетворенія, ссылаясь на ст. 2-ю главы 4-й Воинскихъ Процессовъ или судебныхъ тяжбебъ.

Хотя этотъ Рапортъ, для надлежащей его оцѣнки, и не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ, однако, по крайней мѣрѣ, для объясненія его происхожденія, необходимо обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Васильевъ, какъ замѣчено выше, исправлялъ должность Университетскаго Архитектора по Іюнь 1812 года, то есть, какъ разъ до тѣхъ вакацій, въ которыя послѣдовали одно за другимъ извѣстныя предписанія Ректора. Изъ Ра-

⁶ Въ 1812 году Васильевъ имѣлъ четверыхъ сыновей и одну дочь.

порта Васильева также видно, что во время ваканцій уже былъ при Университетѣ особый Архитекторъ, который при томъ нѣкое время былъ болѣнъ. Невольно рождается вопросъ: не произошло ли опредѣленіе Архитектора вопреки желанію Васильева и по настоянію Ректора Стойковича, и не зачалась ли вся бѣда отсюда? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, кажется, можетъ служить слѣдующее Отношеніе Правленія въ Совѣтъ, отъ 2 Апрѣля, 1813 года, которое мы и приведемъ здѣсь: «Архитекторъ сего Университета Шмитъ просилъ сіе Правленіе о увольненіи его отъ оной должности для поступленія на ваканцію Курскаго Губернскаго Архитектора, но Правленіе, не приступая само собою къ удовлетворенію просьбы Г. Шмита, представило о семъ на благоразсмотрѣніе Г. Министру Народнаго Просвѣщенія. Въ слѣдъ за симъ Адъюнктъ Архитектуры Васильевъ и Титулярный Совѣтникъ Вателетъ подали въ сіе Правленіе прошенія, изъ коихъ первый просилъ возложить на него отправленіе Архитекторской должности, такъ какъ онъ и прежде отправлялъ оную въ теченіи осьми лѣтъ, но съ прибавленіемъ жалованья, которое положено Архитектору; второй же, представляя выданный изъ Экспедиціи Кремлевскаго Строенія аттестатъ о его службѣ, и таковой же отъ Архитекторовъ при оной Экспедиціи о знаніи его въ Архитектурѣ, просилъ опредѣлить его въ сей Университетъ Архитекторомъ. А по справкѣ оказалось, что Адъюнктъ Васильевъ дѣйствительно отправлялъ должность Архитектора при Университетѣ въ теченіи осьми лѣтъ, и что Правленіе просило Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о позволеніи имѣть при Университетѣ особаго Архитектора подъ тѣмъ предлогомъ, что оный нуженъ не только для самаго Университета, но и для Училищъ его Округа, въ кои Адъюнкта Архитектуры, при встрѣчающихся надобностяхъ, отправлять не возможно, поелику чрезъ сіе долженъ онъ отвлекаться отъ преподаваемыхъ имъ лекцій.» Отношеніе это подписано Ректоромъ Стойковичемъ и непремѣннымъ Засѣдателемъ Осиповскимъ (Дѣла 1813 года, № 27).⁷ Съ другой сто-

⁷ Представленные Министру аттестаты Вателета были препровождены, на заключеніе о правахъ его, въ Академію Художествъ, которая отказалась отъ всякаго заключенія о его достоинствѣ, такъ какъ не знала ни его, ни произведенныхъ имъ работъ, о чемъ Министръ и увѣдомилъ Совѣтъ, отъ 13 Августа, 1813 года. Впрочемъ, Вателетъ, какъ видно, успѣлъ доказать свои права, такъ

роны, для объясненія настоятельнаго преслѣдованія Ректоромъ Васильева за отгѣздъ изъ Харьковъ во время вакацій безъ всякаго заявленія Начальству, и при томъ за сто верстъ отъ города, необходимо имѣть въ виду слѣдующее постановленіе Совѣта, состоявшееся въ 1811 году: «Поелику случалось иногда, что чиновники по ученой части сего Университета, во время свободныхъ отъ ученія дней, отлучались изъ города безъ вѣдома Ректора, а между тѣмъ встрѣчалась въ нихъ надобность, то внушено онымъ не отлучаться изъ города, хотя бы сіе было на малое только число дней, не извѣстивъ о семъ предварительно Ректора» (см. Отчетъ о состояніи Харьковскаго Университета за 1811 годъ, въ обзорѣніи дѣлъ Совѣта). Должно замѣтить также, что Васильевъ, потревоженный во время вакацій, 2 Сентября, подавъ прошеніе въ Совѣтъ отъ отпуска его въ Зміевской Уѣздъ, по собственнымъ домашнимъ дѣламъ,» но, можетъ быть, также по настоянію Ректора, не получилъ отпуска и занялся составленіемъ своего Рапорта, который и былъ доложенъ Совѣту въ засѣданіе 18 Сентября. Наконецъ, для объясненія того мѣста въ Рапортѣ Васильева, въ которомъ онъ указываетъ на небрежное отношеніе Ректора къ своимъ обязанностямъ, необходимо обратить вниманіе на слѣдующія два предписанія Министра, изъ которыхъ одно относится ко времени до подачи Рапорта Васильевымъ, а другое получено уже во время слѣдствія, производившагося по содержанію Рапорта. 9-го Іюня, 1812 года (№ 2137), Министръ писалъ Совѣту: «Съ нѣкотораго времени замѣчаю я, что представленій, ко мнѣ отъ Университета дѣлаемыхъ, Ректоръ онаго не подписываетъ. Предлагаю объяснить мнѣ причину тому.» По запросу Совѣта, Правленіе, отъ 25 Іюня, сообщило перечисленіе бумагъ, не подписанныхъ Ректоромъ (всего шесть бумагъ), по причинѣ отлучки изъ города. Отлучки, очевидно, участились во время слѣдствія, и Совѣтъ донесъ о нихъ Министру, который немедленно и отнесся къ Совѣту съ слѣдующимъ рѣшительнымъ и строгимъ предписаніемъ, отъ 30 Ноября (№ 3844): «На представленіе Совѣта, за № 406, изъясняю оному: по Университетскому Уставу отлучка Ректоромъ сдѣлана быть можетъ только по законнымъ при-

какъ былъ утвержденъ Министромъ въ должности Университетскаго Архитектора 10 Декабря того же года.

чинать, нельзя отнести къ онымъ обзорѣ, или открытіе, Училищъ, поелику для сего могутъ быть употреблены прочіе Профессоры, менѣ занятые должностями. По тому предлагаю Совѣту отлучку Ректора считать законною въ такомъ только случаѣ, когда бы дѣйствительная необходимость, или польза, учебной части личнаго присутствія Ректора внѣ Харькова требовала. О всякой же отлучкѣ его въ то же время доносить мнѣ. Поелику же нынѣшній Ректоръ отлучки дѣлаетъ, какъ изъ донесенія Совѣта видно, и для поправленія здоровья своего, то, принимая въ соображеніе, съ одной стороны, что кратковременная отлучка не можетъ поправить здоровья, а съ другой, что частыя отлучки препятствуютъ успѣшному ходу дѣлъ, предлагаю Совѣту объявить ему, что если здоровье его разстроено и требуетъ поправленія, такъ что не въ состояніи, онъ безотлучно исправлять должность Ректора, то можетъ просить отъ оной увольненія.»

Какъ же отнесся Совѣтъ къ Рапорту Васильева? Въ засѣданіи 25-го Сентября опредѣлено было передать дѣло на разсмотрѣніе въ Правленіе и для производства слѣдствія выбрать изъ Членовъ Совѣта особаго Предсѣдателя, такъ какъ Ректоръ не могъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Засѣданіе, какъ видно, было весьма бурное: не всѣ Члены явились да и явившіеся не были достаточно приготовлены къ обдуманному рѣшенію. Предсѣдателемъ *ad hoc* былъ Т. Θ. Осиповскій, который по тому и является постоянно защищающимъ всѣ, состоявшіяся въ этомъ засѣданіи, опредѣленія (*mei potissimum officii fuit invigilare, ut omnia in hac sessione legaliter fierent*). Предсѣдателемъ въ Правленіе, для суда надъ Ректоромъ, избранъ былъ И. Е. Срезневскій. Стойковичъ опротестовалъ послѣдній выборъ, настаивая на выборѣ Проректора, и на отправленіе всего дѣла къ Министру, такъ какъ, въ виду настроенія большинства, не предвидѣлъ для себя добра отъ суда Университетской коллегіи, и такъ какъ дѣло, по его необычности, выходило изъ предѣловъ вѣдомства послѣдней. Въ своемъ протестѣ Ректоръ указываетъ на нарушеніе Совѣтомъ § 55-го Устава (1804 года), по которому всякое избраніе въ Совѣтъ совершается баллотированіемъ. Въ 9-мъ пунктѣ этого параграфа сказано: «Ничто не рѣшается баллотированіемъ (посредствомъ скрытно полагаемыхъ шаровъ), исключая сіи два случая: а), когда дѣлается какое избраніе; б) когда требуется рѣшеніе въ разсужденіи сочиненій, предлагаемыхъ къ чтенію въ торжественныхъ собраніяхъ, или къ печатанію чего иждивеніемъ и съ одобреніемъ Университета.»

Отсюда, изъ запрещенія уставомъ баллотированіе при всякомъ дѣлѣ, кромѣ упомянутыхъ двухъ случаевъ, Ректоръ очевидно выводитъ непремѣнную обязательность баллотированія въ послѣднихъ, слѣдовательно, и при выборѣ Предсѣдателя Совѣта и Правленія, а по тому объявляетъ недѣйствительнымъ состоявшееся засѣданіе Совѣта съ его незаконнымъ Предсѣдателемъ. Въ § 47-мъ Устава сказано: «Никакое опредѣленіе Совѣта не дѣйствительно, ежели сдѣлано въ отсутствіи Ректора, или, въ случаѣ отлучки и болѣзни его, въ отсутствіи Проректора.» Дѣйствительно, едва ли можно защищать уклоненіе Совѣта отъ исполненія приведеннаго предписанія Устава, особенно въ настоящемъ случаѣ, требовавшемъ строгаго и неуклоннаго выполненія всѣхъ, предписанныхъ Уставомъ, формъ, хотя бы послѣднія и допускали разнообразныя толкованія. При томъ, такое уклоненіе еще могло бы находить нѣкоторое оправданіе въ томъ случаѣ, если бы оно было слѣдствіемъ единодушнаго согласія всѣхъ членовъ коллегіи, чего въ настоящемъ случаѣ не было. Осиповскій утверждаетъ, что «возможность допущенія (баллотированія при избраніи) не есть опредѣленіе, то есть, допущеніемъ одного способа другіе не воспрепятствуютъ, и при этомъ ссылается на § 21 того же Устава, въ которомъ, относительно выбора Проректора, ⁸ вовсе не указывается на самый способъ избранія, ссылается и на то, что до сихъ поръ Проректоръ всегда избирался открыто (*viva voce*). Но если, съ одной стороны, сопоставленіе послѣдняго параграфа съ § 55-мъ можетъ вообще вести къ заключенію объ обязательности баллотированія при избраніи Проректора, особенно въ виду важности дѣла, когда прежніе примѣры въ обычныхъ текущихъ дѣлахъ теряютъ свою силу, то, съ другой стороны, та же обязательность могла оказаться еще болѣе настоятельною по причинѣ тяжелаго, судебного характера дѣла, вовсе не опредѣляемаго § 21-мъ, указывающимъ только на смерть Ректора, болѣзнь, или отлучку по законнымъ причинамъ, нельзя забывать, что къ суду привлекался Ректоръ по весьма тяжкимъ обвиненіямъ. Впрочемъ, Совѣтъ Университета, по Уставу 1804 года, есть высшая инстанція по дѣламъ судебнымъ (§ 45), и въ пред-

⁸ «Въ случаѣ тяжелой болѣзни Ректора, смерти, или отлучки по законнымъ причинамъ, предмѣстникъ его немедленно пріемлетъ на себя должность его съ званіемъ Проректора. Если же предмѣстникъ по какимъ либо обстоятельствамъ принять должности не можетъ, то Совѣтъ избираетъ на время въ Проректоры другого изъ Ординарныхъ Профессоровъ и доноситъ Попечителю.»

метахъ вѣдомства его именно значится разсмотрѣніе тяжёбныхъ дѣлъ, перенесенныхъ изъ Правленія (§ 51). Въ Уставѣ предусмотрѣна даже жалоба на Ректора (§ 150); но такая жалоба должна быть приносима въ Правленіе, и въ этомъ случаѣ, для соблюденія къ Ректору должнаго уваженія, Правленіе, ежели найдетъ жалобу несправедливою, имѣетъ право на просителя наложить денежную пеню въ пользу неимущихъ до 25 рублей, а въ случаѣ справедливой жалобы, представляетъ заключеніе свое на разсмотрѣніе Попечителя, и ожидаетъ его рѣшенія.» Отсюда видно, что Рапортъ Васильева по всему своему содержанію подлежалъ Правленію; видно также, что Уставъ, предусмотрѣвъ жалобу на Ректора, приносимую непременно въ Правленіе, гдѣ Предсѣдателемъ также Ректоръ, не говоритъ ни слова о выборѣ для Правленія особаго Предсѣдателя для разсмотрѣнія этой жалобы. Последнее обстоятельство доказываетъ, что Уставъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду относительную маловажность жалобы, а не такую жалобу, какая оказалась въ Харьковскомъ Университетѣ. Въ своемъ протестѣ Ректоръ указываетъ и на несоблюденіе обычая, всегда соблюдавшагося даже въ случаяхъ обыкновенныхъ и не столь важныхъ (*uti apud nos semper ab initio Universitatis fieri solebat*), откладывать окончательное сужденіе до слѣдующаго засѣданія, для постановленія болѣе обдуманнаго рѣшенія; указываетъ и на несоблюденіе другой формальности, предписанной Уставомъ (§ 46),—объявленія о выборѣ за три дня. ⁹ Мы должны сохранять, говорить Ректоръ въ своемъ протестѣ, священныя постановленія, которыми Е. И. Величеству угодно было оградить свой Университетъ; ибо если мы сами станемъ дѣйствовать противъ нихъ, и не будемъ согласовать съ ними свои рѣшенія, то сами будемъ виноваты, когда, мало по малу, отнимутся отъ насъ дарованныя намъ права и преимущества.» Объясненіе уклоненія отъ § 46-го Устава, предложенное Осиповскимъ, что обязанность объявленія за три дня о выборѣ относится только къ выбору людей, Университету неизвѣстныхъ, или къ выбору на должности общія и продолжительныя (*pro officiis generalibus et durabilibus*), нельзя

⁹ «Обыкновенныя собранія должны быть единожды въ мѣсяцъ, а чрезвычайныя въ случаѣ надобности, къ которымъ Ректоръ приглашаетъ заблаговременно повѣсткою и, въ случаѣ избранія, по крайней мѣрѣ, за три дня, наблюдая, сколько возможно, чтобъ засѣданія Совѣта не прерывали порядка въ преподаваніи наукъ.»

не называть произвольнымъ, такъ какъ въ приведенной статьѣ Устава говорится вообще объ избраніи, безъ всякаго опредѣленія случаевъ избранія; а то одно дѣло, для котораго избиралось это извѣстное лицо, было слѣдствіе надъ Ректоромъ Университета.

Всѣ указанные уклоненія отъ предписанныхъ Уставомъ формъ и установившихся обычаевъ тѣмъ замѣчательнѣе, что въ Совѣтѣ 25-го Сентября вовсе не было того единодушія, которымъ бы они могли до нѣкоторой степени оправдываться. Изъ объясненій Осиповскаго на протестъ Ректора видно, что изъ 13 Членовъ Совѣта, трое подали отрицательный голосъ, а именно: Дегуровъ, Лангъ и Делавинъ, къ нимъ на другой день присоединился Роммель, приславшій Секретарю Совѣта слѣдующую записку: «*Re accuratius perpen-
sensa, quae heri proponebatur jam subscribo votum d. prof. Degou-
goff.*»¹⁰ Кромѣ того, въ Совѣтѣ не присутствовали: Шадъ, Пильгеръ и Нельдехенъ, на отсутствіе которыхъ, вопреки § 48-му Устава,¹¹ не обращено было вниманіе, въ дѣлѣ столь новомъ и неслыханномъ (*in re tam nova et inaudita*), какъ замѣтилъ Ректоръ въ своемъ протестѣ. Да и мнѣнія нѣкоторыхъ присутствовавшихъ Членовъ, подавшихъ голосъ за выборъ Предсѣдателя въ Правленіе были значительно видоизмѣнены въ редакціи журнала Совѣта, какъ это видно изъ протеста Ректора и объясненія Осиповскаго. «Между Профессорами, говоритъ первый, нѣкоторые не были за выборъ Предсѣдателя, и я не знаю, по какому роковому случаю ихъ имена привлечены къ именамъ тѣхъ, которые были противнаго мнѣнія; обстоятельство это мнѣ кажется важнымъ и заслуживающимъ особеннаго вниманія.» Это, по всей вѣроятности,

¹⁰ Мнѣніе Дегурова было слѣдующее: «Такъ какъ по Уставу жалобы противъ Ректора должны поступать въ Правленіе (§ 150), и въ Уставѣ ни слова не сказано объ особомъ Предсѣдателѣ въ такомъ случаѣ; такъ какъ, по обычаю, три Члена Правленія, въ отсутствіе Ректора, составляютъ Правленіе и рѣшаютъ дѣла; такъ какъ, сверхъ того, въ настоящемъ случаѣ Члену, избранному только отъ Совѣта, предоставлена бы была прерогатива надъ Членами, утвержденными Министромъ: то я думаю, не должно избирать Совѣту особаго Предсѣдателя.»

¹¹ «Каждый отсутствующій Членъ доставляетъ Секретарю Совѣта извѣщеніе о причинѣ своего отсутствія, которое должно быть прочтено въ собраніи и внесено въ особливую книгу. Если причина отсутствія признана будетъ законною, то отсутствующій Членъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣло рѣшается не по балламъ, можетъ объ немъ письменно сообщить свое мнѣніе, которое приѣмлется такъ, какъ мнѣніе присутствующаго.»

были Гизе и Швейкартъ, о которыхъ въ журналѣ Совѣта сказано, что они подали мнѣніе за выборъ Предсѣдателя изъ Членовъ Правленія, хотя Осиповскій въ своемъ объясненіи утверждаетъ, что Гизе вышелъ изъ засѣданія «*nulla data ratione*,» прежде чѣмъ окончилось дѣло о выборѣ Предсѣдателя (*non finita electione*); замѣчательно также, что еще до начала выбора (*ante inceptam electionem*) вышли изъ зала Делавинъ и Роммель; послѣдній протестовалъ противъ того, что его мнѣніе не было записано въ журналѣ. Вообще, по ходу всего дѣла, въ бурномъ засѣданіи 25 Сентября, можно заключить, что въ немъ и голоса подавались не свободно, и толковались искусственно, и что, при большемъ спокойствіи и соблюденіи всѣхъ формальностей, все дѣло могло получить иной оборотъ, и прежде всего тотъ, что доносъ былъ бы или отвергнутъ, или отправленъ прямо въ Министерство, какъ того и желали нѣкоторые Члены. Въ своемъ протестѣ Ректоръ, наконецъ, приводитъ старый Указъ, отъ 9 Ноября, 1753 года, которымъ запрещается принимать доносъ, заключающій въ себѣ обвиненія, не относящіяся къ требуемому отъ доносчика отвѣту. На это Осиповскій, указавши въ своемъ объясненіи на другой подобный же Указъ, отъ 13 Сентября, 1764 года, замѣчаетъ, что «всѣ объясненія Васильева прямо относятся къ дѣлу, такъ какъ ими оправдывается отвѣтъ послѣдняго, по чему онъ не могъ обратиться къ Ректору съ просьбою объ отпускѣ изъ города на вакаціонное время: что причины, имъ приводимыя, справедливы ли онѣ, или нѣтъ, не могли быть отвергнуты безъ обсужденія.» Въ настоящее время, конечно, не возможно опредѣлить характеръ личныхъ отношеній между Стойковичемъ, какъ Ректоромъ, и Васильевымъ, какъ Адъюнктомъ Архитектуры, и объяснить участіе этихъ отношеній въ требованіяхъ Ректора, съ одной стороны, и въ упорномъ сопротивленіи этимъ требованіямъ съ другой, но нельзя не замѣтить, что въ требованіяхъ Ректора, даже въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они представляются въ доносѣ, не видно ничего несправедливаго и оскорбительнаго, особенно если принять во вниманіе обширность производимыхъ тогда работъ, падавшихъ именно на вакаціонное время, и на недостатокъ надзора за ними; нельзя отрицать и того, что Васильевъ, занятый частными постройками, доставлявшими ему значительный доходъ, могъ относиться неблагоприятно къ участію въ казенныхъ Университетскихъ постройкахъ. Мы вовсе не хотимъ быть адвокатомъ Ректора; ни мало не сочувствуемъ, конечно, его торговымъ предпріятіямъ, готовы при-

знать до нѣкоторой степени его притязательность въ отношеніи къ Васильеву, происходившую отъ личной непріязни; мы желаемъ только, на основаніи офиціальныхъ данныхъ, обратить вниманіе на тотъ оборотъ, какой приняло дѣло, и какого оно, безъ сомнѣнія, не приняло бы, если бы обсуждалось спокойно и съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей; желаемъ объяснить, что оборотъ, какой приняло дѣло съ первыхъ минутъ, зависѣлъ отъ неблагоприятнаго для Ректора большинства Членовъ Совѣта, поспѣшившаго воспользоваться случаемъ для оппозиціи недавно имъ же избранному Предсѣдателю. Вражда раздула дѣло и тотчасъ сообщила ему размѣры, какихъ оно въ дѣйствительности, по видимому, не имѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что при иныхъ условіяхъ, прежде всего былъ бы отвергнутъ Совѣтомъ самый доносъ, какъ не подлежащій его вѣдѣнію и недостойный его; при иныхъ условіяхъ онъ, можетъ быть, и не появился бы въ Совѣтъ, по тому что самое появленіе его, очевидно, вызвано было личными отношеніями.

Положеніе представителя Университетской коллегіи, когда послѣдняя собралась судить его по обвиненіямъ столь позорнаго для него свойства, было крайне затруднительно, тѣмъ болѣе, что, по настроенію большинства, онъ не могъ ждать себѣ добра отъ Университетскаго суда; а по тому понятны его усилія добиться отпращиванія всего дѣла въ Министерство и выбора Проректора до рѣшенія дѣла въ послѣднемъ. «Всѣмъ вамъ довольно извѣстно о моей болѣзни, пишетъ онъ въ Совѣтъ 30 Октября; но мысль о моей обязанности, которую я свято чтилъ, всегда мѣшала мнѣ воспользоваться и самымъ малымъ временемъ свободы для собственнаго здоровья, и это съ тѣхъ поръ, какъ Его Императорскому Величеству угодно было возложить на меня должность Ректора Университета. Много и весьма много приходится исполнять Ректору такого, что вамъ и не извѣстно, такъ какъ никто изъ васъ не былъ Ректоромъ; многія дѣла Ректоромъ и оканчиваются, не доходя вовсе до вашего свѣдѣнія. Я весь поглощенъ былъ ими, посвящая имъ дни и ночи. Думаю, всѣмъ вамъ извѣстно, что я со всею ревностью занимался всѣмъ, что относится къ общему благу. Но уже ослабѣваютъ мои силы, плечи не могутъ болѣе выносить возложеннаго на нихъ бремени. Кровохарканіе, обнаружившееся недѣли двѣ тому назадъ, доказываетъ, что мое здоровье въ опасности.» Въ заключеніе, проситъ Совѣтъ освободить его на нѣкоторое время отъ занятій по Университету, выбрать Проректора и препроводить все дѣло къ Министру. Совѣтъ оставилъ безъ по-

слѣдствій просьбу Ректора. При этомъ Срезневскій, избранный въ Предсѣдатели Правленія для суда надъ Ректоромъ, подалъ слѣдующее письменное мнѣніе: «Не знаю, что за необходимость побуждаетъ Ректора спѣшить выборомъ Проректора, тогда какъ съ начала его ректорства до сихъ поръ не было ни одного слова объ этомъ столь важномъ дѣлѣ. Если эта необходимость есть его собственное дѣло по жалобѣ Васильева, то я думаю, что Ректоръ въ немъ не имѣетъ никакого права на сужденіе, или какое ни будь предложеніе; если же есть какое либо другое основаніе для выбора Проректора, о какомъ, однако, не было рѣчи въ Совѣтѣ, то выборъ можетъ быть отложенъ, пока не окончится дѣло между Ректоромъ и Васильевымъ.»

Между тѣмъ въ Правленіи весьма усердно производилось слѣдствіе.¹² Въ первомъ засѣданіи, 7 Ноября, по выслушаніи доноса Васильева, на основаніи приведенной въ немъ 2-й ст. 1-й части 4-й главы процессовъ или судебныхъ тяжбъ,¹³ опредѣлено запросить отъ Ректора подробный отзывъ по содержанію взводимыхъ на него обвиненій. Въ своемъ отзывѣ, доложенномъ 28 Ноября, Ректоръ указываетъ на упущенія Васильева по службѣ, вызвавшія съ его стороны предписанія.» «Правленіе, пишетъ Стойковичъ, можетъ взять выписку изъ Совѣтскихъ протоколовъ, изъ которыхъ съ удивленіемъ увидить, что оный Адъюнктъ почти никогда не бывалъ въ Совѣтѣ, за что въ прошломъ (1812) году и отвѣтъ отъ него потребованъ, по предложенію Г. Министра; но онъ и послѣ поданнаго отвѣта ни наименьше не исправился въ отправленіи дѣлъ Университетскихъ.» На обвиненіе въ незаконномъ распоряженіи имуществомъ Учителя Билинскаго Ректоръ только замѣчаетъ, что «на то должны отвѣчать Члены, составлявшіе Правленіе въ томъ году, когда отданы вещи его торговкѣ Розаліи.» Наконецъ, на обвиненіе въ торговлѣ и нехожденіи на лекціи

¹² Членами Правленія, подъ предсѣдательствомъ Срезневскаго, были сначала: Осиповскій (Проф. Математики), Дегуровъ (Проф. Всеобщей Исторіи), Гизе (Проф. Химіи), Книгинъ (Проф. Анатоміи), Шадъ (Проф. Философіи); Секретаремъ былъ Ваяновскій.

¹³ Челобитчику позволено письменно жалобу приносить и отвѣтчику въ опредѣленный ему краткій терминъ на оную отвѣтствовать; потомъ челобитчикъ таки можетъ въ опредѣленное же время противный учинить отвѣтъ, а отвѣтчикъ равнымъ же образомъ отвѣтствовать; а болѣе сего обоимъ не по-зволается.»

Ректоръ отвѣчаетъ коротко и въ общихъ выраженіяхъ: «Ежели бы эти обвиненія и справедливы были, то не принадлежать къ Государственной службѣ; иначе бы величайшій безпорядокъ въ службѣ вышелъ, ежели бы подчиненные по тому не повиновались начальникамъ, что сѣи у себя въ домѣ, или, на примѣръ, не трезво живутъ, или не строгую нравственность соблюдаютъ, или что ни будь покупаютъ и т. д. Служба имѣетъ свои правила и не должна быть смѣшиваема съ внутренними домашними дѣлами.» Правленіе опредѣлило потребовать отъ Васильева, чтобы онъ представилъ ему въ подлинникахъ полученные имъ отъ Ректора предписанія, и чтобы «ясными и достовѣрными доказательствами утвердилъ доносъ свой, какъ о торгѣ Ректора, такъ и о непосѣщеніи лекцій. Въ засѣданіи 30 Декабря выслушано было слѣдующее объясненіе Васильева по послѣднимъ обвиненіямъ: «Оптовая и мелочная торговля всѣми прописанными вещами (винами, лентами, гранатами и картинами) производилася столь явно, какъ въ самомъ Университетѣ, такъ и въ нанятомъ домѣ Дмитріевой, что она известна была всему городу и передъ глазами всѣхъ Членовъ Университета, на которыхъ я въ справедливости сказаннаго и ссылаюсь. Кому же именно, на какую сумму и какое количество всѣхъ сихъ вещей, было продано, съ точностію мнѣ не известно; ибо, гнушаясь производствомъ непозволенной сей торговли, я никогда не думалъ вести записки тѣмъ лицамъ, кои въ оной участвовали; знаю только, что нѣсколько бочекъ вина, подъ именемъ Офенскаго, отправлено было для продажи въ Курскую Губернію къ Учителю тамошней Гимназіи, Паратичу, которому также для продажи поручены были и гранаты, о чемъ всѣ Учители Курской Гимназіи известны и могутъ удостовѣрить Правленіе Университета общимъ показаніемъ. Такъ же известно мнѣ, что жители города Харькова: Титулярный Совѣтникъ Андрей Ивановичъ Касовскій купилъ лично у самого Г. Стойковича въ разныя времена три ведра Офенскаго, и Городовой Секретарь Дмитрій Ѳедоровичъ Сердюковъ бочку того же вина. Ведрами платилось по тридцати пяти, а бочкою по тридцати рублей ведро. Сіе же Офенское вино, двухъ сортовъ Венгерское, и до сорока картинъ купилъ Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Августъ Станиславовичъ Элли, что нынѣ Купянскаго Уѣзднаго Училища Почетный Смотритель, но на какую сумму и какое количество, мнѣ не известно. Большую же часть картинъ, лентъ и гранатъ продавалъ здѣсь, въ Харьковѣ, въ домѣ Г. Дмитріевой, и нарочно ѣздившій въ Москву для продажи оныхъ иностранецъ

Лангнеръ, что нынѣ Учителемъ двухъ языковъ въ Екатеринославской Гимназіи.¹⁴ Найвѣрнѣйшее же показаніе въ продажѣ всѣхъ упомянутыхъ вещей можетъ сдѣлать самъ Г. Ректоръ и помянутый иностранецъ Лангнеръ, которыхъ Правленіе можетъ спросить подъ присягою на законномъ основаніи. А дабы привести въ извѣстность ту сумму, на которую торговля была производима, то Правленіе Университета можетъ снестись съ тѣми Таможнями, чрезъ которыя товары были провозимы. Справка сія тѣмъ болѣе необходима, что на картинахъ, лентахъ и гранатахъ, не было Таможенныхъ штемпелей, слѣдовательно, вещи сіи принадлежать могутъ къ тайному привозу. Для удостовѣренія же въ сказанномъ, что на картинахъ штемпелей нѣтъ, то стоитъ только потребовать ихъ у сказаннаго выше Надворнаго Совѣтника Элли; да и полное число картинъ, по показанію Г. Ректора, отыскать можно, которыхъ числомъ было болѣе двухъ сотъ; ибо до продажи еще оныхъ, по приглашенію Г. Ректора, я и Учитель рисовальный Университета, Г. Матесъ, ихъ разсматривали и полагали имъ цѣну, изъ коихъ ни одной не было дешевле двадцати пяти рублей, а многія въ пятьдесятъ и до ста рублей оцѣнены нами. Гранаты продано однимъ Учителемъ Курской Гимназіи, Паратичемъ, на тысячу триста рублей, что составляло только малую часть привоза. Ленты проданы оптомъ въ довольномъ количествѣ торговкѣ Розалии, которая въ городѣ Харьковѣ имѣетъ модную женскую лавку, а остальные продаваемы были сказаннымъ Лангнеромъ, о чемъ они и показать могутъ.» Относительно непосѣщенія лекцій Ректоромъ Васильевъ ссылается на Университетскаго педеля Ломаковского и на всѣхъ казенныхъ и своекоштныхъ Студентовъ, которыхъ предлагаетъ спросить подъ присягою. Послѣ объясненія по обвиненію въ двукратной самовольной отлучкѣ изъ Харькова (такъ какъ о первой зналъ самъ Ректоръ, а о второй онъ заявлялъ Секретарю Совѣта) и въ неисполненіи обязанностей по Совѣту,¹⁵ онъ выражаетъ недовѣріе

¹⁴ Онъ опредѣленъ въ Октябрѣ 1812 года Учителемъ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ въ низшихъ классахъ Гимназіи.

¹⁵ Въ своемъ оправданіи, поданномъ въ Совѣтъ въ 1811 году, говоритъ Васильевъ: «Я доказалъ очень ясно свою невинность, а онъ (Ректоръ) поставляетъ мнѣ оное въ обвиненіе; о чемъ Правленіе можетъ сдѣлать справку въ Протоколахъ Совѣта, и дѣйствительно съ удивленіемъ увидить, что со мною поступлено такъ, какъ съ самымъ бѣднымъ и беззащитнымъ просителемъ, а не какъ съ Членомъ Совѣта; ибо я не получилъ, по просьбѣ моей, въ семь

къ словамъ Ректора объ участіи всѣхъ Членовъ Правленія въ распоряженіи имуществомъ Учителя Билинскаго: «Такое дѣйствіе свойственно только одному Г. Ректору, пишетъ Васильевъ, по связямъ его съ торговкою Розаліею; а ежели Члены Правленія тамъ и дѣйствительно участвовали, то вѣрно самымъ невиннымъ образомъ, по его настоянію.» Въ заключеніе высказываетъ слѣдующее мнѣніе о томъ отзывѣ Ректора, что подчиненнымъ нѣтъ дѣла до частной жизни Начальниковъ: «Здѣсь Г. Ректоръ показалъ образъ своего умствования и правилъ, на что я дѣлать свое замѣчаніе не поставляю нужнымъ. Всякой знаетъ, что публичный Учитель къ знаніямъ, ему потребнымъ, долженъ приобщить строгую нравственность и честное поведеніе; по чему Г. Ректоръ думаетъ иначе, о томъ судить предоставляю Правительству.» По выслушаніи этого объясненія Правленіе, на основаніи приведеннаго выше узаконенія о Военскихъ Процессахъ и Судебныхъ Тяжбахъ, предложило Ректору доставить опроверженіе доказательствъ Васильева. Выписка изъ журнала Правленія сообщена Ректору 5 Января, 1813 года; 3 Февраля повторено требованіе о доставленіи опроверженія, съ замѣчаніемъ, что, «въ противномъ случаѣ, Правленіе сіе приступить къ дальнѣйшему изслѣдованію, а потомъ и рѣшенію сего дѣла.» 8 Марта Ректоръ, наконецъ доставилъ свое объясненіе.¹⁶ Выразивши въ немъ свое удивленіе по поводу требованія новыхъ объясненій, такъ какъ «все (въ донесеніи Васильева), кромѣ развѣ лекцій Университетскихъ, суть дѣла приватныя,» Стойковичъ пишетъ: «Ежели бы все справедливо было, что имъ (Васильевымъ) написано, то бы и тогда изъ этого ничего не слѣдовало, по тому что всякой имѣетъ право покупать вещи, ему нужныя, и продавать ненужныя. Но оно въ самомъ дѣлѣ не есть правда; ибо 1) изъ 20 бочекъ вина, которыя я изъ Венгріи получилъ, находится у меня въ погребу 18, а двѣ недостающія—одна отдана Ахтырскому помѣщику Войновичу, а другая бывшему Предводителю Дворянства Захаржевскому, и, слѣдовательно, въ Курскъ не только

оправданіи помѣщенной, никакого по сіе время удовлетворенія, о чемъ я въ свое время и не оставляю принести жалобу, куда слѣдуетъ.»

¹⁶ Должно замѣтить, что Ректоръ съ 7-го Ноября по 2-е Января не посѣщалъ, по болѣзни, обычныхъ засѣданій Правленія; 2-го же Января вступили въ Правленіе новые Деканы: Роммель (Проф. Латинской Словесности), Дрейссигъ (Проф. Клиники), Делавинъ (Проф. Ботаники) и Швейкартъ (Проф. Древнихъ Правъ). Непремѣннымъ Засѣдателемъ оставался Осиповскій.

не пошло нѣсколько бочекъ, но даже ни одной капли, а вѣрно кто ни будь обманулъ Г. Васильева. Г. Сердюкову также не уступалъ я ни одной бутылки вина, а Косовскому, за болѣзнію кого-то въ его домѣ, отпустилъ одно, а не три ведра. А какъ Г. Войновичъ и Г. Захаржевскій суть въ числѣ моихъ друзей, то уступать имъ что бы ни было виномъ, книгами, инструментами, кажется, ни наименьше не вредить чьей бы то ни было должности. Впрочемъ я повторяю, что всякой имѣетъ право уступить по дружбѣ и такія вещи, которыя и ему самому нужны, и даже ежели кто все свое имущество продать, то никому за то не отвѣчаетъ; изъ сего слѣдуетъ, однако, что продажи вина у меня не было, и безсомнѣнно, никто не знакомый не осмѣлился бы прійти покупать ко мнѣ вино. Я прибавлю еще, что Г. Васильевъ еще не знаетъ: я уступилъ Г. Профессору Дегурову одно ведро вина, во время болѣзни жены его, одно ведро Ваннотти (Проф. Медицины, утв. въ Маѣ 1811 года), по его болѣзни, и многимъ больнымъ дарилъ, ежели Лѣкаръ предписывалъ имъ пить хорошее вино, какъ-то, между прочимъ, извѣстно Г. Проф. Осиповскому; однако жъ денегъ за сіи подарки я никогда не бралъ, хотя и имѣлъ право брать; и вѣрно не существуетъ ни одного человѣка, которому бы какъ незнакомому, продалъ хотя одну бутылку вина. 2) Сколько мнѣ извѣстно, Г. Паратичъ продалъ на 370 р. гранатъ, а не на 1300 р.; но если бы онъ и на 1300 р. продалъ, то тѣмъ лучше для него было бы; ибо и гранаты и ленты куплены за его деньги, которыя достались ему изъ наслѣдства въ Венгріи и о полученіи коихъ онъ снабдилъ меня довѣренностію, что Правительству извѣстно; ¹⁷ но все равно, мои ли, или его, до того дѣла нѣтъ,

¹⁷ Въ архивѣ сохранилась копія съ слѣдующаго предписанія Правленія къ Директору Училищъ Курской Губерніи, Любарскому, отъ 3-го Марта, 1810 года: «Его Сіятельство, Г. Попечитель, Гр. С. О. Потоцкій, при предложеніи своемъ, препровожда въ копіи полученное Его Сіятельствомъ, Гр. П. В. Завадовскимъ, Отношеніе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Ноту Австрійскаго Агента Жюльена въ разсужденіи наслѣдства, которое досталось находящемуся въ Курской Гимназіи Учителю Паратичу послѣ умершей въ Темешварѣ родственницы его (по мужѣ Шипошъ), на сумму 750 флориновъ, предлагаетъ Университету, отобравъ отъ сего Учителя свѣдѣніе, какія онъ приметъ мѣры для полученія выше упомянутаго наслѣдства, донести ему, Г. Попечителю, для извѣщенія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ слѣдствіе чего вамъ предписывается, съ препровожденіемъ копіи съ Ноты Австрійскаго Агента, чтобы вы, по отобраніи отъ Паратича упомянутаго свѣдѣнія, донесли сему Правленію.» При

а дѣло только въ томъ, что Ректоръ не продавалъ гранаты. 3) Онъ самъ говорить, что книгопродавецъ Лангнеръ продавалъ ленты и астампы; но книгопродавецъ Лангнеръ и Ректоръ Стойковичъ суть двѣ особы различныя, а по сему и слѣдуетъ, что книгопродавецъ Лангнеръ продавалъ, а не Ректоръ. 4) Извѣстно Членамъ Правленія, что, по предложенію Г. Попечителя, можно Ректору и не читать лекцій, и, слѣдовательно, ежели бы я хотѣлъ пользоваться симъ предложеніемъ, то бы я могъ и не давать лекцій, и никому бы за это не отвѣчалъ; но я въ самомъ дѣлѣ, при всей многотрудной Ректорской должности, продолжалъ курсъ со многими Студентами и кончилъ до гальванизма, которую матерію предъ самою вакаціею преподавалъ имъ вмѣстѣ съ своими слушателями Магистръ Комлишинскій, по моему предложенію. Что Ректоръ долженъ смотрѣть, читаютъ ли Члены Университета, на то есть предписаніе Высшаго Начальства; но чтобы Адъюнкты смотрѣли за Ректоромъ, читаетъ ли онъ, или нѣтъ, на это предписанія, кажется, нѣтъ никакого. 5) На это все могъ бы отвѣчать Г. Васильевъ, какъ онъ отвѣчалъ въ разсужденіи наслѣдства Билинскаго, что онъ не зналъ, что у меня въ погребѣ находятся всѣ бочки; что онъ не зналъ, что гранаты и ленты не мои; что отъ Г. Попечителя есть предложеніе такого рода; но въ такомъ случаѣ, ежели кто чего не знаетъ, не долженъ и говорить, а колыми паче писать.» Сказавши, что онъ не думалъ обвинять Медицинскій Факультетъ въ недоставленіи смѣты и плановъ, какъ утверждалъ Васильевъ, Ректоръ заключаетъ: «Наконецъ объявляю я Членамъ Правленія, что я за всѣ обиды Г. Адъюнкту Васильеву прощаю и на немъ не взыскиваю.» Какъ только прочитано было это объясненіе въ Правленіи, явились въ засѣданіе Ректоръ и Васильевъ и подали прошеніе слѣдующаго содержанія: «Производившееся въ ономъ Правленіи, по поданному отъ меня, Васильева, въ Совѣтъ Университета, прошенію, дѣло, поговора межъ собою, согласились мы прекратить мирнолюбно; для того и просимъ, оставивъ оное, по силѣ Уложенія X главы 121 статьи, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, предать вѣчному забвенію.»

Мы привели вполнѣ объясненія дѣла обѣихъ сторонъ, такъ какъ они съ достаточною ясностію раскрываютъ и сущность и

характеръ всего дѣла; послѣ этихъ объясненій всякіе дальнѣйшіе выводы и соображенія оказываются совершенно излишними. Что касается до мировой между Ректоромъ и Васильевымъ, то она состоялась, безъ сомнѣнія, при дѣятельномъ участіи многихъ Членовъ Совѣта, которые, какъ увидимъ, крайне тяготились затянувшимся процессомъ, производившимъ общій соблазъ, явно вредившимъ достоинству и чести Университета, ослаблявшимъ уваженіе и довѣріе къ нему общества, а также и самое учебное дѣло. И виновники процесса, и устроители мировой, конечно, рассчитывали на немедленное прекращеніе дѣла. Но не такъ думало Правленіе, по крайней мѣрѣ нѣкоторые его Члены, видно рѣшившіеся вести дѣло до коца, въ явный ущербъ всѣмъ интересамъ Университета. Выслушавши и обсудивши, какъ объясненія Ректора, такъ и «мировое прошеніе,» Правленіе пришло къ слѣдующему заключенію: «Хотя выше означенною Уложенія главы X-й статьею 121-й, равно какъ Манифеста 1787 г., Апрѣля 21-го, статьею 20-ю и 7-мъ пунктомъ Правительствующаго Сената Доклада, Высочайше конфирмованнаго въ 14-й день Января, 1802 года, и дозволено тяжущимся мириться въ собственныхъ дѣлахъ своихъ, но поелику Адъюнктъ Васильевъ, въ представленіи своемъ въ Совѣтъ Университета, не токмо жаловался на причиненныя ему Г. Ректоромъ обиды, но и обвинялъ его въ торговлѣ винами, лентами, гранатами и картинами, чрезъ что Казнѣ дѣлается ущербъ, тако жъ что Г. Ректоръ, не соблюдая должности Профессора, не преподавалъ въ теченіи года лекцій Студентамъ: то относительно сихъ статей, по силѣ Уложенія главы 21-й ст. 31-й, Указа 7177-го (1669 года), Января 22 дня, статьи 71-й, и Генеральнаго Регламента главы 1-й, дѣла уничтожить не можно; для того, оставивъ безъ изслѣдованія статьи, относящіяся къ личной ихъ между собою тяжбѣ, предать ихъ, согласно ихъ прошенію, вѣчному забвенію, о прочихъ же статьяхъ, сдѣлавъ выписку изъ дѣла, доложить въ слѣдующее засѣданіе. Въ слѣдующемъ засѣданіи, бывшемъ 15-го Марта, Правленіе дѣйствительно приступило къ дальнѣйшему производству слѣдствія и прежде всего къ провѣркѣ показанія Ректора относительно числа бочекъ вина, хранившихся въ его погребѣ.» Положивъ осмотрѣть сіе вино, записано въ журналъ этого засѣданія, пошши въ его погребъ, въ коемъ оказалось большихъ бочекъ или оксофтовъ старыхъ съ желѣзными обручами мѣрою, какъ полагать можно, по пятнадцати ведеръ, пятнадцать, и малыхъ, совершенно новыхъ, боченковъ четыре, мѣрою каждый око пяти ведеръ. Но какъ никто на себя

не взялъ опредѣлить, какое именно вино, или какія вина въ сихъ бочкахъ находились, то и оставлены оныя безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія.»

До сихъ поръ дѣло оставалось и производилось въ стѣнахъ Университета, хотя, разумѣется, и успѣло огласиться широко. Но дальнѣйшее производство слѣдствія, на основаніи показаній Васильева, ссылавшагося на Учителей Курской и Екаринославской Гимназій, на Смотрителя Купянского Уѣзднаго Училища (бывшаго педеля), и на лица, совершенно постороннія для Университета, а также указывавшаго на необходимость сношеній съ пограничными Таможнями, угрожало сообщить дѣлу всеобщую огласку и представить зрѣлище, въ которомъ прежде и больше всего страдали бы честь и достоинство учрежденія, въ которомъ возникло дѣло. Изъ слѣдующихъ мнѣній нѣкоторыхъ Членовъ Совѣта видно, что многихъ изъ нихъ крайне беспокоило расширеніе размѣровъ этого злополучнаго слѣдствія, но Правленіе вовсе не думало останавливаться и предъ такими послѣдствіями, рѣшившись вести дѣло до конца, и хотя, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ настроенія большинства, постановило испросить разрѣшеніе Министра на сношенія по дѣлу съ посторонними Университету мѣстами и лицами, однако въ то же время рѣшило немедленно, до полученія этого разрѣшенія, снести съ подвѣдомственными Университету лицами. Оказался только одинъ Членъ Правленія, высказывавшійся и прежде въ пользу препровожденія всего дѣла къ Министру, и теперь рѣшительно возставшій противъ такого расширенія размѣровъ слѣдствія. Это былъ Деканъ Фердинандъ Швейкартъ,¹⁸ подавшій 3 Апрѣля въ Правленіе письменное мнѣніе слѣдующаго содержанія: «Отъ мнѣнія моего, многократно повтореннаго, по дѣлу Г. Ректора отнестись немедленно къ Г. Министру, а между тѣмъ остановить по

¹⁸ Окончивши гимназическій курсъ въ Ганнау, Швейкартъ изучалъ Правовѣдѣніе въ Марбургскомъ Университетѣ, посѣщая въ то же время лекціи по наукамъ Политическимъ, и даже Математическимъ и Физическимъ, потомъ слушалъ лекціи Философія и Юридическія у Гугеланда, Шнауберта и Фейербаха въ Іенскомъ Университетѣ, гдѣ и получилъ степень Доктора Обоихъ Правъ. Послѣ непродолжительной юридической практики въ должности Прокурора, онъ поступилъ къ Князю Гогенлоге воспитателемъ его дѣтей, а по смерти его (1806) опредѣленъ Профессоромъ Римскаго Права и его исторіи въ Гейдельбергскій Университетъ, откуда, по выбору Совѣта, перешелъ въ Харьковскій Университетъ.

оному всякое слѣдствіе, отступить я не могу, а именно по симъ причинамъ: 1, поелику Императорское постановленіе есть, чтобы, какъ скоро въ какой ни будь коллегіи случится что ни будь нечаянное и важное, то тотчасъ бы о семъ она отнеслась къ Высшему по той части Начальнику. 2, Сіе тѣмъ болѣе намъ сдѣлать надлежитъ, что Профессоръ Стойковичъ представленъ Университетскимъ Совѣтомъ къ полученію высшаго достоинства. 3, Сіе дѣло продолжать мы не можемъ иначе, какъ дѣлая всѣмъ Директорамъ и Смотрителямъ предписанія, подписанныя не Ректоромъ, но Г. Профессоромъ Срезневскимъ; Директорамъ же не извѣстно, что онъ избранъ Президентомъ по сему дѣлу. 4, Поелику почитаю, что Предсѣдатель нашъ долженъ быть утвержденъ Г. Министромъ, особливо когда мы ничего не производимъ о ссорѣ Ректора съ Адъюнктомъ Васильевымъ, по тому что она миролюбиво кончилась, но объ изслѣдованіи противъ Г. Ректора, по возложенной на него должности. 5, Когда таковое слѣдствіе продолжаться будетъ, то честь и уваженіе Ректора и всего Университета постраждетъ: по чему я и увѣренъ, что Г. Министръ не сдѣлаетъ намъ выговора, что мы въ семъ дѣлѣ ожидаемъ его предписанія.» Съ этимъ мнѣніемъ согласился Деканъ Дрейссигъ (получившій Медицинское образованіе въ Галльскомъ Университетѣ, гдѣ и получилъ степень Доктора, авторъ нѣсколькихъ учебныхъ руководствъ по Медицинѣ, опредѣленный Профессоромъ въ Харьковскій Университетъ въ Февралѣ 1807 года). Большинство же Членовъ Правленія: Срезневскій, Осиповскій, Делавинъ и Роммель, основываясь на извѣстной уже намъ 150-й ст. Университетскаго Устава (о жалобахъ на Ректора), и на томъ, что «доносъ Адъюнкта не простирается на Г. Ректора по Ректорской его должности, а только по должности Профессора и Чиновника, въ гражданской службѣ состоящаго,» опредѣлило: «Приступить къ исполненію положенія сего Правленія, записаннаго въ журналѣ истекшаго Марта въ 29 день, то есть, истребовать отъ прописанныхъ въ ономъ, подвѣдомыхъ Университету лицъ показанія, а между тѣмъ, съ прописаніемъ сущности сего дѣла, представить Г. Министру, испрашивая въ разрѣшеніе, позволить ли Его Сіятельство, чтобы Университетъ, когда отъ подвѣдомыхъ ему Чиновниковъ не получитъ достаточныхъ по сему дѣлу удостовѣреній, сносился съ посторонними мѣстами и лицами?»¹⁹ Въ слѣдствіе этого постановленія,

¹⁹ Представленіе Министру въ этомъ смыслѣ отправлено 5-го Апрѣля за № 312-мъ.

Правленіе обратилось къ Ректору съ запросомъ: «Какому Правительству извѣстны тѣ довѣрительныя письма, которыми Паратичъ уполномочивалъ его распорядиться Венгерскимъ наслѣдствомъ, и въ какомъ Присутственномъ Мѣстѣ они засвидѣтельствованы? Значатся ли въ какой либо Таможнѣ вещи, купленные на деньги Паратича, и въ какой именно?» Въ то же время предложено было доставить отзывы въ Правленіе Профессорамъ Дегурову и Ваннотти и Учителю рисованія Матесу. Къ исправлявшему должность Директора Курской Гимназіи, Венедиктову, ²⁰ отправлено было, за подписью Непремѣннаго Засѣдателя, слѣдующее предписаніе: «Симъ предписывается вамъ, отобравъ немедленно, подъ присягою, отъ всѣхъ Учителей Гимназіи, кромѣ Паратича, по ссылкѣ на нихъ Адъюнкта Васильева, письменное показаніе, что имъ извѣстно относительно продажи Паратичемъ принадлежащихъ Г. Ректору и Кавалеру Стойковичу Офенскаго вина и гранатъ, сколько чего продано, кому и на какія суммы, прислать оное показаніе въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ присяжнымъ листомъ, съ надписью на конвертѣ на имя Непремѣннаго Засѣдателя Г. Профессора и Кавалера Осиповскаго.» Подобныя же предписанія отправлены были къ Директору Екатеринославской Гимназіи, Мизку, для истребованія показанія отъ Учителя Лангнера, и къ Директору Слободско-Украинской (Харьковской) Гимназіи, для истребованія того же показанія отъ Смотрителя Ломаковского.

Въ своемъ отзывѣ, ²¹ отъ 2 Мая, поданномъ въ Совѣтъ, Ректоръ отвѣчалъ: 1, Что довѣрительное письмо извѣстно было, если не ошибаюсь, Министру Народнаго Просвѣщенія и Министру Иностранныхъ Дѣлъ, а въ какомъ Присутственномъ Мѣстѣ засвидѣтельствовано, не знаю, да думаю, нѣтъ и надобности знать ни мнѣ, ни Правленію; вопросъ этотъ есть, слѣдовательно, чистѣйшая придирка (*esse puram puto vexationem*). 2, возвратившись изъ Венгріи, я остановился у Профессора Гизе, и онъ знаетъ, что я не привезъ съ собой ничего, по тому что не получалъ и денегъ Паратича; а послѣ возвращенія моего получены были по почтѣ и мною приняты вещи, купленные на деньги Паратича людьми, которымъ

²⁰ Венедиктовъ былъ только что опредѣленъ на это мѣсто изъ Учителей Орловской Гимназіи и явился въ Курскъ въ самомъ концѣ учебнаго года (Рапортъ Училищнаго Комитета въ Совѣтъ отъ 20 Іюня, 1812).

²¹ Отзывъ этотъ сохранился на Латинскомъ языкѣ.

то было поручено. Тотъ же Проф. Гизе можетъ засвидѣтельство-
вать, что я ему неоднократно говорилъ о вещахъ, ожидаемыхъ
мною изъ Венгріи; но не знаю, и не старался узнать, въ какой
Таможнѣ онѣ записаны; спрашивать объ этомъ значить обвинять
тѣхъ, кто служить въ Таможняхъ. Все это я готовъ подтвердить,
если понадобится, клятвою (разбитыя слова написаны меж-
ду строкъ другими чернилами). Но что значить, что я говорю
все это предъ Совѣтомъ?» восклицаетъ Стойковичъ? «Найважнѣйшая
причина заключается въ бумагѣ, полученной мною изъ Правленія:
изъ нея прямо видно, что въ Правленіи предсѣдательствовать Сре-
зневскій, и я только теперь узналъ объ этомъ, такъ какъ въ
прежнихъ, полученныхъ мною, не было на то никакого указанія.»
За тѣмъ Ректоръ доказываетъ незаконность засѣданій Правленія
съ такимъ Предсѣдателемъ, такъ какъ онъ единственный закон-
ный Предсѣдатель, утвержденный Государемъ, между тѣмъ какъ
ему не извѣстно, кѣмъ утвержденъ Срезневскій. Въ заключение
Высочайшимъ именемъ объявляетъ, что онъ впредь будетъ дѣй-
ствовать на основаніи § 17 Университетскаго Устава.»²² На дру-
гой день Ректоръ созвалъ Членовъ Правленія. Въ журналѣ этого
засѣданія записано: «Г. Ректоръ и Кавалеръ Стойковичъ, пригласивъ повѣсткою къ засѣданію сего числа (3 Мая) въ четыре ча-
са по полудни Членовъ сего Правленія и подавъ прошеніе, самъ
вышелъ изъ присутствія. Въ ономъ же прошеніи значить: «Изъ
производящагося въ ономъ Правленіи дѣла, по представленію
Адъюнкта Васильева, прошу оное Правленіе приказать выдать мнѣ
копію: 1, о отданномъ Розаліи Зелинской имуществѣ умершаго
Учителя Билинскаго; 2, съ представленія къ Г. Министру Просвѣ-
щенія по сему дѣлу; 3, съ поданнаго мнѣнія Г. Профессоромъ
Швейкартомъ.» По выслушаніи сего прошенія, положено: «По си-
лѣ Указа 1798 года, Декабря 11 дня, въ которомъ повелѣно да-
вать на гербовой бумагѣ копіи съ рѣшительныхъ опредѣленій, вы-
дать Г. Ректору копію изъ дѣла, какъ уже рѣшеннаго, относи-
тельно имущества Билинскаго, отданнаго Розаліи Зелинской; что
же касается до копій съ представленія Г. Министру и мнѣнія, по-

²² «Поелику Ректоръ наибаче обязанъ пещися о соблюденіи порядка и благо-
чинія во всемъ, къ Университету принадлежащемъ, то въ чрезвычайныхъ
случаяхъ имѣетъ право требовать помощи отъ военнаго, или гражданскаго,
начальства.»

даннаго Г. Швейкартомъ, то доложить о семъ, когда будетъ засѣданіе, для дальнѣйшаго по сему дѣлу изслѣдованія.»

Въ засѣданіи Правленія 12 Мая слушаны были показанія бывшаго педеля Ломаковского, Учителя Екатеринославской Гимназіи Лангнера и Учителей Курской Гимназіи, отобранныя отъ нихъ подъ присягою. Первый показалъ, что въ бытность его педелемъ, отъ 23 Октября, 1811 г., до Юля 1812 г., Ректоръ не всегда читалъ лекціи, иногда по слабости здоровья, иногда по отлучкамъ изъ города по должности, а иногда и за многодѣліемъ по Правленію и Училищному Комитету, наконецъ иногда «по причинѣ дѣлаемыхъ имъ сочиненій.» Читалъ же лекціи онъ въ Февраль, Мартъ, Апрель и Май; въ Іюнѣ занимался экзаменами, а въ Ноябрь 1811 года ученія совсѣмъ не было «по причинѣ глубокой грязи съ дождями по городу Харьковъ.» Второй показалъ, что онъ дѣйствительно получилъ отъ Ректора нѣсколько картинъ для продажи, но не знаетъ, принадлежали ли эти картины самому Ректору; продать же всего 22 картины на 640 рублей; гранатъ, лентъ и другихъ вещей онъ не продавалъ, въ Москву съ собою не возилъ и не отправлялъ, а тѣмъ менѣе картины, которыя всѣ распроданы въ Харьковѣ.» Многословіе показанія Учителей Курской Гимназіи, гдѣ, какъ видно, самъ Директоръ Венедиктовъ былъ сильно настроенъ въ пользу наибольшаго расширенія размѣровъ дѣла. Главными обвинителями Ректора явились здѣсь: Рудневъ, Пузановъ и Василевскій. Всѣ они показали, что «зимой 1811 года Паратичъ явился въ сборную Учительскую комнату съ полученнымъ имъ по почтѣ ящикомъ и, раскрывъ его, показывалъ находившимся тутъ Учителямъ золотыя часы и разные сорта гранатъ въ пучкахъ, при чемъ читалъ письмо Ректора, въ которомъ онъ поручаетъ Паратичу продать присланныя вещи за назначаемую имъ цѣну. Изъ разныхъ сортовъ гранатъ Рудневъ припомнитъ только слѣдующіе: пять пучковъ по 65 рублей, 10 пучковъ по 70 р., часы оцѣнены во сто рублей.» «Но какъ въ письмѣ Г. Ректора, показываеъ Рудневъ, цѣны гранатъ означены не совершенно ясно (при этомъ приводится самая форма обозначенія цѣнъ), то Паратичъ, принявъ цѣну, разумѣмую Г. Ректоромъ для одного пучка, за цѣну для всего сорта, выручилъ за оныя гранаты денегъ: за 5 пучковъ № 50, вмѣсто 325 р.—65 р.; за 10 пучковъ, вмѣсто 700 р., всего 70 рублей» и т. д. Указавши на извѣстныхъ ему покупателей гранатъ, въ томъ числѣ на себя, купившаго два пучка за 26 р. и на одного Курскаго купца, купившаго на 300

руб. (Паратичъ оставилъ за собою золотые часы), Рудневъ продолжаетъ: «Когда Паратичъ послалъ вырученныя за гранаты деньги Г. Ректору, то сей послѣдній чрезъ первую почту извѣстилъ Паратича о его ошибкѣ, приказывая ему стараться собрать проданныя гранаты назадъ. Паратичъ, получа оное огорчительное для него письмо, болѣе сутокъ былъ болѣнъ; ибо онъ сомнѣвался, чтобы могъ возвратить проданныя гранаты и полагалъ, что столь несчастный для него случай разстроитъ его малое состояніе. Въ такомъ положеніи онъ говорилъ ему, Рудневу, и другимъ, что онъ имѣетъ всего 1200 р., которые отданы въ проценты, но и тѣхъ долженъ будетъ лишиться, если не соберетъ назадъ проданныхъ гранатъ, и въ такомъ случаѣ намѣревался послать въ сельное свое письмо Г. Ректору въ уплату за проданныя ошибкою гранаты. Когда жъ всѣ, купившіе у него гранаты, возвратили ему назадъ оныя за тѣ же цѣны, исключая нѣкоторыхъ, кои послали ихъ въ подарки и тому подобное, тогда Паратичъ занялъ у меня 100 рублей для того, чтобы собравши такую сумму, на которую онъ не могъ возвратить проданныхъ гранатъ, послать Г. Ректору. Въ разсужденіи Офенскаго вина онъ въ точности не знаетъ, кому Паратичъ продавалъ оное; между тѣмъ, однако жъ, Паратичъ сказывалъ ему, что Г. Ректоръ поручаетъ ему продавать Офенское вино, которое можно покупать ведрами и бутылками, и, выхваляя превосходство сего вина, сказалъ, что бутылка онаго стоитъ не менѣе 10 рублей; гдѣ же сіе вино въ то время было, о томъ онъ, Рудневъ, не любопытствовалъ, такъ какъ о ненужной для него вещи.» Показанія Пузанова и Василевскаго почти буквально сходны съ показаніемъ Руднева. Учителя Билевичъ и Морель, утверждая продажу гранатъ, отзывались незнаніемъ о ихъ цѣнѣ и вырученной отъ продажи суммѣ; о продажѣ вина знали только по слуху. Учитель Лозинскій показалъ, что онъ о всемъ дѣлѣ знаетъ только по рассказамъ. Замѣчательны показанія Учителей Адольфа Роберти и Ошменца, отказавшихся отъ присяги. «Поелику оное дѣло ему не извѣстис, говоритъ первый; ибо онъ къ никакой продажѣ винной и гранатной никогда не принадлежалъ, и оныхъ отъ Г. Паратича никогда не покупалъ, и продавалъ ли Паратичъ, что именно, кому принадлежащее, въ какомъ количествѣ и по какой цѣнѣ, о томъ онъ отъ него не имѣлъ никогда права спрашивать, а равно и Паратичъ не имѣлъ тоже обязанности отдавать ему въ дѣлахъ своихъ отчета. По Военскому же Процессу вѣрно свидѣтельствовать о томъ только, что кто зна-

еть, или самъ видѣлъ; а какъ онъ, Роберти, ничего достовѣрнаго по сему предмету не знаетъ, а по тому и свидѣтелемъ быть не можетъ. Присяга же есть важная святость, которой легко брать не должно, то по тому онъ и не рѣшился на оную.» Показаніе Отменца сохранилось въ Архивѣ въ подлинникѣ: «Занимаясь единственно моею только должностію, пишетъ онъ, и нигдѣ не бывая, кромѣ класса и квартиры, я ничего не знаю о семь дѣлѣ, и по тому никакимъ образомъ, съ нарушеніемъ моей совѣсти, не могу дать подъ присягою таковаго показанія, тѣмъ болѣе, что присяга въ таковомъ дѣлѣ, по моему Римско-Католическому Исповѣданію (защищенному толеранціей въ Россійской Имперіи), безъ моего Священника, кажется, и совершена быть не можетъ; а по тому я, безъ рѣшенія отъ Императорскаго Харьковского Университета сего моего сомнѣнія, не могъ осмѣлиться приступить къ таковой присягѣ.»

Въ то время, когда выслушаны были всѣ эти показанія, явился въ Правленіе Профессоръ Шадъ съ десятью кусками разныхъ сортовъ лентъ цѣлыхъ и початыхъ, и со спискомъ, писаннымъ рукою Ректора, для передачи ихъ послѣдному чрезъ Правленіе. Ленты эти, оставшіяся не проданными, Паратичъ возвращалъ, чрезъ жену Шада, Ректору. При этомъ Шадъ объяснилъ Правленію, что его побудило выступить обвинителемъ Ректора заявленіе послѣдняго, что продаваемыя вещи принадлежать не ему, а Паритичу, и особенно его готовность принести явно ложную присягу; что онъ самъ слышалъ отъ Паратича, въ бытность его въ Харьковѣ, нѣсколько разъ квартировавшаго въ его домѣ, что вещи принадлежать Ректору; что при продажѣ ихъ онъ понесъ убытку до 300 рублей; что стоимость всѣхъ вещей простиралась до 6000 рублей; что онъ, Паратичъ, далъ въ Курскѣ ложное показаніе, будто эти вещи принадлежать ему и куплены на деньги, полученные по наслѣдству, единственно съ цѣлю пособить Ректору, какъ своему начальнику и земляку. Въ заключеніе Шадъ объявилъ, что онъ въ слѣдующемъ Засѣданіи Совѣта потребуетъ немедленнаго избранія Проректора, такъ какъ Ректоръ не можетъ быть Предсѣдателемъ въ Совѣтѣ, въ которомъ должно обсуждаться его собственное дѣло.

По выслушаніи всѣхъ показаній, Правленіе опредѣлило: «Записавъ ихъ въ журналъ, пріобщить къ дѣлу и доложить по полученіи отъ Министра разрѣшенія, обращаться съ требованіями показаній, къ лицамъ и мѣстамъ не подвѣдомымъ Университету; представленные

же Професоромъ Шадомъ ленты, вмѣстѣ съ собственноручнымъ спискомъ Ректора, запечатавъ печатами Членовъ Правленія, отдать Кассиру для храненія въ казенномъ сундукѣ впредь до востребованія.»²²

Въ Засѣданіи 26 Мая Правленіе слушало показанія Профессора Дегурова и Ваннотти и Учителя рисованія Матеса. Первый показалъ, что, по болѣзни жены его, присовѣтывали ему Лѣкаря, въ Октябрѣ 1811 года, для возстановленія ея силъ, давать ей хорошаго вина; по чему онъ и просилъ Г. Ректора сдѣлать ему одолженіе уступкою одного или двухъ ведеръ вина, полученнаго имъ изъ Венгріи; въ слѣдствіе сего онъ, Г. Ректоръ, уступилъ ему одно ведро краснаго вина, цѣною за 30 рублей, которыя, спустя потомъ одинъ мѣсяцъ, онъ ему и заплатилъ; въ другой разъ онъ получилъ еще одну или двѣ бутылки для своего друга, бывшаго на смертномъ одрѣ; но за нихъ Ректоръ денегъ не взялъ. Ваннотти понадобилось вино для себя, для подкрѣпленія разслабленнаго здоровья. Г. Ректоръ объясняетъ Ваннотти, слѣдуя своему чело-вѣколюбію и вѣжливости, изъяснился сими словами: «Хотя у него не болѣе находится вина, какъ только нужное количество для собственнаго его употребленія, однако же, хочетъ уступить ему одно ведро, которое онъ, Ваннотти, получивъ, заплатилъ, умѣренную цѣну—25 рублей.» Матесъ показалъ, что, «онъ дѣйствительно разсматривалъ, еще въ 1811 г., принадлежащее Ректору собраніе эстамповъ, и означалъ карандашомъ на каждомъ эстампѣ его цѣну; что всѣхъ эстамповъ было около 120-ти: три изъ нихъ въ 50 р., около осьми въ 40 р., нѣкоторые въ 35, 30 и 25 р., остальные низшихъ цѣнъ до 4 рублей; что, при разсматриваніи, не обращалъ вниманія на Таможенныя клейма, да ему и не извѣстно должны ли эстампы имѣть клейма отъ Таможенъ, или нѣтъ, по тому что не можетъ вспомнить во все время жительства его въ Россіи, чтобъ случилось ему когда либо видѣть эстампы съ Таможенными клеймами.» Резолюція Правленія та же, что и прежде.»

Между тѣмъ распоряженія Правленія не могли оставаться не извѣстными Ректору. До него доходили вѣрные слухи и изъ

²² Должно замѣтить, что въ подлинномъ журналѣ Правленія, какъ этого засѣданія, такъ и слѣдующаго, 26 Мая, нѣтъ подписи Предсѣдателя, нѣтъ и обычнаго указанія на отсутствіе и объясненія причины отсутствія, между тѣмъ какъ въ первомъ засѣданіи (12 Мая) указано на отсутствіе Декана Дрейсса, «по причинѣ преподаванія лекцій Студентамъ».

Екатеринославля, и изъ Курска, и вотъ онъ, въ слѣдъ за отзывомъ 2-го Мая, обращается къ Совѣту съ обширнымъ посланіемъ.²³ Въ немъ онъ указываетъ на требованіе Правленія отобрать подъ присягою показанія отъ Лангнера и Учителей Курской Гимназіи «Можно было, говорить Ректоръ, видѣть изъ прежняго моего отвѣта, что вещи принадлежали не мнѣ, и можно было спросить только Паратича, принадлежали ли онѣ ему. Дѣло это, какъ извѣстно, продолжаетъ онъ, ведено было Екатеринославскимъ Директоромъ благоразумно, съ должнымъ приличіемъ и спокойствіемъ и съ уваженіемъ къ Университету. Не то было въ Курскѣ: здѣсь весь городъ приведенъ былъ въ смущеніе и изумленіе, узнавши, что Правленіе требуетъ отъ всѣхъ Учителей показаній, подъ присягою, по дѣлу, направленному противъ Ректора Университета, и отъ такихъ людей, которые были явными доносчиками на Университетъ;²⁴ всѣ честные люди пришли въ негодованіе отъ того, что такое предписаніе явилось изъ учрежденія, которое и по образованію, и по нравственности, и по уваженію къ законамъ должно служить примѣромъ. Венедиктовъ собралъ всѣхъ Учителей и молчалъ, когда тѣ поднимали крикъ и страшное возненіе (*qui, eo tacente, clamores et turbas ciebant immanes*). Дѣло доходило до того, что, когда Роберти отказался присягать, Венедиктовъ самъ поднималъ его руку, на что раздраженный Роберти, въ присутствіи всѣхъ Учителей, сказалъ: «Что вы дѣлаете, я думаю, не сдѣлалъ бы самъ Государь Императоръ.» По словамъ Ректора, въ Курскѣ знали о предписаніи Правленія еще за недѣлю до его полученія, что доказывало незаконныя сношенія между обоими учрежденіями. Когда такія беззаконія совершаются въ Университетѣ, започаесть Стойковичъ, когда ногами попираются законы, я предлагаю Совѣту: 1) немедленно отправить визитатора въ Курскъ, для изслѣдованія дѣйствій Венедиктова; 2) вытребовать все дѣло изъ Правленія, съ переводомъ важнѣйшихъ бумагъ на Латинскій языкъ, такъ какъ ни одинъ изъ Декановъ не знаетъ по Русски, и 3) препроводить все въ подлинникъ къ Министру, чтобы онъ узналъ, какія ухищренія и пронырства позволяли себѣ нѣкоторые для запятнанія имени честныхъ и полезныхъ отечеству людей, на

²³ Оно сохранилось на Латинскомъ языкѣ.

²⁴ Здѣсь Стойковичъ разумеетъ дѣло, производившееся въ Курскѣ въ 1812 г., котораго я коснулся прежде. См. Ж. М. Н. Просвѣщенія.

безславіе и погибель Университета (*quibus machinationibus et molitionibus usi sunt aliqui viri ad nomen honestorum et patriae utilium hominum maculandum, ad famam Universitatis perdendam, denique ad perniciem ipsius Universitatis*).» Это посланіе немедленно разослано было Секретаремъ ко всѣмъ Членамъ, для отобранія отъ нихъ мнѣній по его содержанію. Сохранившіяся мнѣнія интересны для характеристики на строенія Совѣта относительно этого злополучнаго дѣла, тянувшагося 8 мѣсяцевъ. Гизе, Дрейссигъ и Ваннотти замѣтили, что все дѣло было ведено такъ, что ему нѣтъ мѣста ни въ Правленіи, ни въ Совѣтѣ, и что оно немедленно должно быть отправлено къ Министру.» Швейкартъ: «Нѣтъ никакой надобности посылать визитаторовъ въ Курскъ, а слѣдуетъ все дѣло вытребовать въ Совѣтъ, отправить къ Министру и просить его о снисходительномъ отвращеніи отъ Университета публичнаго скандала въ столь пустомъ дѣлѣ (*de clementissime avertendo scandalum publicum in re parvi momenti*); на незаконныя же засѣданія Правленія, подъ предѣлательствомъ Срезневскаго, противныя и Уставу и обычаю, я неоднократно указывалъ Совѣту.» Пильгеръ (Проф. Скотольченія, утв. 2 Мая, 1806): «Такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ рѣчи о предметахъ, касающихся образованія и преподаваемой науки мною, и такъ какъ я не имѣю никакихъ свѣдѣній въ Юридическихъ наукахъ, то и не могу высказать вѣрнаго мнѣнія, соотвѣствующаго настоящему дѣлу.» Лангъ, ²⁵ согласившись съ мнѣніемъ Швейкарта, присоединилъ слѣдующій рѣзкій отзывъ о приводимомъ ниже мнѣніи Шада: «Весьма удивляюсь, какъ осмѣливается этотъ человекъ, какъ Членъ Совѣта, высказывать свое мнѣніе въ настоящемъ дѣлѣ, когда онъ, какъ самъ говоритъ, представилъ въ Правленіе ленты, о которыхъ еще не извѣстно, кому онѣ принадлежать, съ тою цѣлію, чтобы обнаружить свои предательскіе умыслы (*ut mentem perjuram probare possit*); когда онъ такимъ образомъ явился и обвинителемъ и доноситчикомъ, какъ осмѣливается высказывать свое мнѣніе тотъ, кто долженъ, воздерживаться отъ подачи какого бы то ни было мнѣнія.» Дегуровъ: «Такъ какъ дѣло между Ректоромъ и Васильевымъ тянется уже 8 мѣсяцевъ и не предвидится, когда Правленіе окончитъ свой судъ, а между тѣмъ немедленное установленіе мира, для блага науки,

²⁵ Тогдашній Секретарь Совѣта. Онъ поступилъ въ Харьковскій Университетъ Альювикомъ Философическихъ и Математическихъ Наукъ въ 1803 году; утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ въ 1812 году.

въ нашемъ Университетѣ необходимо, и такъ какъ Ректоръ жалуется на незаконность дѣйствій Правленія, а обсужденіе дѣла въ Совѣтѣ угрожаетъ еще большими раздорами, то слѣдуетъ все, относящіяся къ этому дѣлу, бумаги немедленно препроводить къ Министру.» Роммель, Каменскій, Книгинъ, Осиповскій и Шумлянскій, признавали необходимымъ передать бумагу Ректора въ Правленіе, которое и должно обсудить ее въ связи со всѣмъ дѣломъ: послѣдній присоединилъ къ тому слѣдующее замѣчаніе: «За многое въ своихъ бумагахъ Ректоръ подвергнется въ свое время уголовному суду; а чтобы впредь онъ ими не обременялъ Совѣтъ и не отвлекалъ насъ отъ дѣла, такъ какъ мы то и дѣло собираемся для разбора его тяжбы, просить Министра, чтобы онъ, если возможно, принудилъ его къ повиновенію законамъ, donec suas abluat maculas.» Срезневскій: «1) Такъ какъ я выбранъ Совѣтомъ, то прошу или защитить меня отъ оскорбленій Ректора, угрожающаго статьей 17-й Устава, или освободить отъ засѣданій Правленія; 2) или лжетъ, или притворяется Ректоръ, будто бы до сихъ поръ не зналъ о засѣданіяхъ Правленія подъ моимъ предсѣдательствомъ: какъ Ректоръ, онъ долженъ былъ знать о томъ изъ журнала того засѣданія Совѣта, въ которомъ произошелъ выборъ, да и самъ онъ уже много разъ давалъ отвѣты по своему дѣлу по запросамъ Правленія; 3) поданную Ректоромъ жалобу или держать въ Совѣтѣ, пока Правленіе, окончивши дѣло, препроводить его въ Совѣтъ, или отправить къ Министру, съ объясненіемъ причинъ, по чему Совѣтъ вынужденъ былъ избрать Предсѣдателя; 4) что касается до готовности Ректора присягнуть въ томъ, что вещи принадлежали Паратичу, то предоставить Правленію озаботиться приведеніемъ его къ присягѣ.» Наконецъ Шадъ подалъ длинное мнѣніе, цѣлую рѣчь, написанную прекраснымъ Латинскимъ языкомъ и вызвавшую приведенный выше рѣзкій отзывъ Ланга: «Когда дѣло дошло до того, начинается Шадъ, что исчезли всякій порядокъ и уваженіе къ законамъ; когда, по винѣ одного, угрожаетъ опасность всему Университету, нечего больше смотрѣть на дѣло снисходительно (*molliter rem tractare*); а по тому я прошу извиненія за жесткость выраженій въ обсужденіи такого дѣла, которое возбудило изумленіе, отвращеніе и ужасъ (*stuporem, aversionem et horrorem*) во всѣхъ порядочныхъ людяхъ. Наконецъ настало время, когда самые внутренніе и сокровеннѣйшіе помыслы должны выйти на свѣтъ (*ubi intima animi sensa ac recessus maxime reconditi in lucem prodibunt*). Въ то время, когда войска наши, изгнавши изъ отечества тирана

Европы, съ тою же храбростію сражаются съ нимъ и за его предѣлами, неприлично бояться чего либо людямъ, поставленнымъ для охраненія благосостоянія Университета, и при томъ тогда, когда онъ находится въ опасности. По крайней мѣрѣ, я, подъ защитою истины, правды и доброй совѣсти, не боюсь ничего, а по тому рѣшаюсь раскрыть свое сердце предъ Членами Совѣта.» Послѣ этого торжественнаго вступленія Шадъ съ негодованіемъ вооружается противъ заявленія Ректора о принадлежности вещей Паратичу, да еще съ готовностію присягнуть въ томъ: «Правленіе говорить онъ, владѣть достаточными доказательствами противнаго, и теперь занимается не однимъ дѣломъ о его гнусной и постыдной торговлѣ, а изслѣдованіемъ всего его поведенія съ тѣхъ поръ, какъ онъ, гонимый злою судьбой и самой Австрійской полиціей (*infaustis avibus et ipsa politia austriaca eum persequente*), появился въ Университетѣ и обезчестилъ его.» Онъ рѣшительно возстаетъ противъ мысли объ отправленіи всего дѣла къ Министру и настаиваетъ на строжайшемъ изслѣдованіи его на мѣстѣ, на основаніи 150 § Устава, такъ какъ такое изслѣдованіе только и возможно на мѣстѣ преступленія. «Угрожая статьей 17-й Устава, говоритъ Шадъ, Ректоръ обнаружилъ свои злокачественные помыслы (*mentem suam insanam prodidit*); ибо что безумнѣе желанія быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ, да еще и Предсѣдателемъ суда? Это не возможно и въ варварскихъ странахъ, а онъ желаетъ достигнуть этого въ Россійской Имперіи, гдѣ, съ древнѣйшихъ временъ, а особенно со времени Петра I, процвѣтали знаменитѣйшія, приспособленныя ко всякому роду культуры, учрежденія. Что дѣлаетъ этотъ человѣкъ? На что осмѣливается? Что думаетъ о Россійской Имперіи? До какого рода варварскихъ народовъ, дикихъ и не имѣющихъ никакаго человѣческаго чувства, хочетъ онъ низвести Русскій народъ? Уже сѣкира лежитъ при корнѣ всѣхъ бѣдствій, которыя мы претерпѣли отъ основанія Университета. Если бы только открыть нѣкоторые отпрыски, отъ этого корня происходящіе, то ихъ не трудно было бы вырвать. Предательская мысль этого человѣка обнаружилась явно сама собою. Пусть защищаютъ его теперь друзья и покровители, пусть оные колеблются въ ту и другую сторону, пусть самъ онъ угрожаетъ военною силой не только Правленію, занимающемуся изслѣдованіемъ, совершеннаго имъ, чудовищнаго преступленія, но и самому Совѣту! Тщетныя усилія, тщетная помощь и убѣжище! Есть въ нашемъ Университетѣ, есть люди прямодушные, мужественные, усердно

охраняющіе общее благосостояніе. Ихъ голосъ противъ тѣхъ немногихъ защитниковъ этого челоѣка въ позорномъ дѣлѣ, чрезъ Г. Министра нашего прозвучать до престола мудрѣйшаго и справедливѣйшаго Императора.» ²⁶ За тѣмъ начинается изложеніе самаго дѣла, сущность котораго намъ уже извѣстна по донесенію того же Шада въ Правленіе. Рѣчь заключается слѣдующими словами Цицерона, сказанными имъ противъ Антонія: «Teque, tuique similes, tibi que charos, et aversor, et abominor, et execror, nec timeo minas, quas jactas, nec terrent pericula, quae denuntias.»

Изъ обозрѣнія всѣхъ приведенныхъ мнѣній оказывается, что на сторонѣ Ректора было семь Членовъ, и всѣ они были иностранцы; противъ Ректора также семь Членовъ—пять Русскихъ и два иностранца, Шадъ и Роммель. Совѣтъ, принявъ во вниманіе голосъ Ректора, опредѣлилъ препроводить все дѣло къ Министру. Но ему пришлось тогда же выслушать еще слѣдующее новое заявленіе Ректора, вызванное предписаніемъ Правленія, чтобы Курская и Екатеринославская Гимназіи адресовали свои бумаги на имя Непремѣннаго Засѣдателя Осиповскаго: «Такъ какъ Профессоръ Осиповскій, по обязанности Непремѣннаго Засѣдателя, долженъ заботиться о томъ, чтобы дѣла въ Правленіи производились правильно, и чтобы законы и постановленія сохранялись въ цѣлости и ненарушимо, и такъ какъ онъ, по моему мнѣнію, въ настоящемъ дѣлѣ нарушилъ свою обязанность, то во мнѣ родилось подозрѣніе, что это допущено имъ умышленно, а по тому я желаю, чтобы онъ не при-

²⁶ Приведемъ здѣсь въ подлинникѣ эту патетическую часть рѣчи Шада, для характеристики языка: «Et hoc ille sperat se in imperio rossico obtinere posse, ubi jam a saeculis, praecipue vero a tempore Petri Magni, praeclarissimae et ad omne culturae genus excitandum aptissimae institutiones floruerunt! Quid agit ille? Quid audet? Quid cogitat de imperio rossico? Ad quod genus nationum barbararum, aut adhuc ferocium et nullo humanitatis sensu imbutarum ac exultarum inclitam nationem rossicam vult detrudere? Jam securis posita est ad radicem omnium malorum, quae ab incunabulis Universitatis perpassi sumus. Si se conspicuos reddant quidam surculi cum illo cohaerentes, facili negotio evellentur. Mens perjury hujus viri per semetipsum palam declarata est. Defendant nunc illum amici et patroni, fluctuent in utramque partem alii, minitetur ipse non solum directorio, in monstrum criminis, ad quod ipsemet se obtulit, inquirenti, sed etiam ipsi senatui academico, vi militari! Inania tentamina, vana adjumenta et refugia! Sunt in Universitate nostra, sunt viri recti, strenui, publicae salutis studiosi, quorum vox contra paucos illos, qui virum hunc, de quo sermo est, in causa pessima tueri volunt, per excellentissimum Ministrum usque ad thronum sapientissimi et justissimi Imperatoris personabit.»

существовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ какъ Правленія, такъ и Совѣта, въ которыхъ предлагалось бы что либо обо мнѣ, или противъ меня. Предлагаю это мое заявленіе препроводить къ Г. Министру.»

Наконецъ пришелъ ожидаемый отвѣтъ Министра на представленіе Правленія, отъ 5-го Апрѣля, 1813 года, о распространеніи слѣдствія на лицъ, соприкосновенныхъ съ дѣломъ и неподвѣдомыхъ Университету: «Въ слѣдствіе представленія Правленія, за № 312-мъ, пишетъ Министръ, предлагаю оному, начатое имъ слѣдствіе по доносамъ Адъюнкта Васильева, на Ректора Стойковича, оставить вовсе, какъ по тому, что они уже между собою помирились, такъ и для того, что Васильевъ показанія свои не подтверждаетъ достаточными доводами; отобраніе же объясненій отъ разныхъ мѣстъ и лицъ, наипаче неподвѣдомыхъ Университету, продлило бы производство дѣла сего, и при томъ сношенія о семъ предметѣ съ посторонними мѣстами могли бы поселить въ людяхъ объ Университетѣ, какъ новомъ въ тамошнемъ краю заведеніи, невыгодное мнѣніе, что послужило бы къ великому вреду учебной части.» Отвѣтъ этотъ (№ 1184) подписанъ Министромъ 21-го Мая, и посланъ Правленіемъ 9-го Іюня; послѣднее донесло о немъ и о прекращеніи слѣдствія Совѣту 13 Апрѣля.²⁷ Въ тотъ же день, 21-го Мая, Министръ разрѣшилъ Стойковичу просимый имъ отпускъ на три мѣсяца къ Кавказскимъ Минеральнымъ Водамъ, съ вычетомъ, однако, жалованья, и предписалъ Совѣту выбрать, на время его отсутствія, Проректора (№ 1185). Замѣчательно, что въ тотъ же день Министръ подписываетъ другую бумагу въ Совѣтъ Харьковского Университета (№ 1190) слѣдующаго содержанія: «Разстроенное здоровье Ректора сего Университета, Стойковича, и дѣлаемые имъ, по сей причинѣ, частыя отъ Университета отлучки, побуждаютъ меня предложить Совѣту о избраніи, установленнымъ порядкомъ, на мѣсто его, въ Ректоры другого изъ Ординарныхъ Профессоровъ.» Мѣсяцъ спустя (23-го Іюня, № 1545-й), Министръ шлетъ въ Совѣтъ новое предписаніе поспѣшить симъ выборомъ, а между тѣмъ избрать Проректора, который имѣетъ тотчасъ вступить въ управленіе своей должности, хотя бы настоящій Ректоръ находился еще въ Харьковѣ. Немедленно избранъ былъ въ Совѣтъ Проректоромъ Осиповскій и утвержденъ Министромъ 26-го Іюля. Спустя двѣ недѣли, 8-го Августа, Осиповскій былъ утвержденъ Ректоромъ, 9-го Августа

²⁷ Донесеніе это подписано только Деками Дрейсгомомъ и Швейкартомъ.

Стойковичъ подалъ въ Совѣтъ прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи его отъ всѣхъ должностей при Университетѣ, такъ какъ онъ намѣренъ отправиться, для пользованія себя, въ чужіе края. Передъ окончаніемъ трехмѣсячнаго отпуска, 17-го Сентября, онъ повторилъ свое прошеніе въ слѣдующемъ видѣ: «Уволенъ я Г. Министромъ на три мѣсяца, для поправленія разстроеннаго моего здоровья. Какъ время отпуска скоро кончится, я же 9-го Августа подалъ прошеніе о совершенномъ моемъ увольненіи отъ Университета и намѣренъ ѣхать, для пользованія себя, въ чужіе края, то и прошу Ваше Императорское Величество уволить меня до получения отставки отъ всѣхъ должностей при Университетѣ.»

Стойковичъ, по видимому, не остался въ долгу предъ Совѣтомъ Харьковскаго Университета. Покончивши совсѣмъ съ послѣднимъ, онъ подалъ прошеніе Министру о пересмотрѣ дѣла, производившагося въ Правленіи и Совѣтѣ по доносу Васильева, и Министръ дѣйствительно, предписаніемъ, отъ 7-го Апрѣля, 1815-го года (№ 955), потребовалъ отъ Университета всѣ, относящіяся къ оному дѣлу, бумаги въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ журналами Совѣтскихъ засѣданій.²⁸ Это была послѣдняя бумага по злосчастному доносу Васильева, и за тѣмъ всѣ свѣдѣнія по этому дѣлу въ архивѣ прекращаются.

²⁸ Замѣчательно, что въ этой же бумагѣ Министръ предписываетъ истребовать отъ Нравственно-Политическаго Факультета и препроводить въ нему документы, относящіеся къ выбору Учителя Дудровича въ Адъюнкты (по Философіи) документы, «кои прежде изъ шкафа украдены и потомъ, по долгомъ времени на столѣ Университетскаго Совѣта найдены.» Въ той же бумагѣ Министръ требуетъ свѣдѣній объ Университетскомъ театрѣ: «сколько разъ играли и какія пьесы, и не хотѣлъ ли кто во время представленія бить одного Ординарнаго Профессора?» По послѣднему требованію Ректоръ Осиповскій, отъ 5 Мая, донесъ Министру, что при Университетѣ театра нѣтъ, и что Студенты, съ разрѣшенія Министра, въ праздничное время, иногда разыгрываютъ нѣкоторыя пьесы, предварительно разсмотрѣнныя Начальствомъ; что при этомъ зрителями бываютъ Студенты, Университетскіе Чиновники и знакомые изъ дворянства и купечества. Профессоръ же, которому во время представленія, угрожали побоями, былъ Лангъ. Дѣло въ томъ, что Поручикъ Николай Шидловскій, бывший воспитанникъ Университета, который, какъ доносилъ Лангъ Правленію, «*schien etwas betrunken zu sein*», разговаривалъ въ театрѣ въ слухъ; Лангъ обратился къ нему съ замѣчаніемъ, и когда тотъ не обратилъ на него вниманія, сказалъ: «*Souvenez vous, dans quel endroit vous êtes. Si vous continuez, vous serez éconduits d'ici.*» Слова эти и вызвали угрозу побоями, которую Шидловскій въ тотъ же вечеръ и на другой день повторилъ Ректору: «Буде Лангъ не извинится, говорилъ онъ, то онъ не будетъ развѣды-

Такъ разыгралось на мѣстѣ, въ достопамятную эпоху 1812—1814 годовъ, пресловутое дѣло о торговлѣ Ректора Харьковскаго Университета, Стойковича. Понятно, по чему оно надѣлало столько шума и тревоги въ свое время, произвело такое сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе, въ подрывѣ тому общему уваженію, которымъ пользовался Университетъ, и по чему оно такъ упорно держится до сихъ поръ въ мѣстномъ преданіи. Что дѣло это, только при сильномъ возбужденіи страстей и личныхъ отношеній, могло достигнуть такихъ широкихъ размѣровъ, можно судить отчасти и по тому, что въ провозѣ вещей и другихъ иностранныхъ Профессоровъ, переселявшихся на службу въ Россію и пользовавшихся, по Уставу, правомъ беспошлиннаго провоза на три тысячи, можно, кажется, замѣтить аналогическое явленіе,²⁹ а въ болѣе близкое къ намъ время, сколько можно судить по слухамъ, Профессоры, возвращавшіеся изъ за границы и пользовавшіеся тѣмъ же правомъ въ провозѣ вещей, не имѣя ихъ столько въ наличности, передавали это право промышленнымъ и торговымъ людямъ, которые и провозили въ Россію беспошлинно разные товары. Хотя такое злоупотребленіе ни какъ не можетъ служить оправданіемъ дѣйствій Стойковича въ настоящемъ случаѣ, однако, нельзя не согласиться, что починъ слѣдствія надъ нимъ самой Университетской Коллегіи, и при томъ на основаніи такого доноса, какимъ былъ доносъ Васильева, представляетъ, во всякомъ случаѣ, явленіе исключительное и своеобразное.

ваться съ нимъ по бумагамъ, но по воински его прибить. Ректоръ, однако, уговорилъ его оставить это дѣло, тѣмъ все и кончилось. Къ донесенію Ректора приложенъ былъ и списокъ пьесъ, которыя разыгрывались Студентами въ 1814 и 1813 годахъ, на пр.: «Независть и раскаяніе; Клеветники и суматоха — Коцебу; Беверлей; Награжденная справедливость — Дмитревскаго; Ябеда—Капниста; Скапиновы обманы—Мольера; Донъ Равудо ди Калибралось» и др.; въ заключеніе иногда былъ багетъ.

²⁹ Такъ въ 1808 году Радзивиловская Таможня пропустила семь ящиковъ и двѣ бочки съ пожитками Профессора Математики Гута, и такъ какъ послѣдній требовалъ пропуска еще десяти ящиковъ, то Таможня настаивала на оцѣнкѣ вещей, для удостовѣренія, не превышаетъ ли трехъ тысячъ стоимость перевозимыхъ вещей (Отношеніе Таможни отъ 13 Апрѣля, № 113). Безъ сомнѣнія, значительная часть этихъ вещей, какъ видно изъ дѣлъ, состояла въ инструментѣ, проданныхъ потомъ Гутомъ Университету.

II.

И. Г. ШАДЪ.

Шадъ такъ рѣзко обрисовывается въ сторонѣ, враждебной, Стойковичу, выступаетъ такимъ безошаднымъ его обвинителемъ, что, безъ сомнѣнія, не покажутся излишними нѣкоторыя, характеризующія его, черты.

Иванъ Егоровичъ Шадъ, родившійся въ 1761-мъ году въ Марбахѣ, близъ Вюрцбурга, былъ воспитанникомъ Іезуитовъ, потомъ Бенедиктинскимъ монахомъ въ Банцѣ (на Майнѣ), откуда долженъ былъ спастись бѣгствомъ, въ слѣдствіе столкновенія съ тамошними обскурантами. Явившись въ Іену, слушалъ лекціи по Химіи, Опытной Физикѣ и Медицинѣ, получилъ степень Доктора Философіи и преподавалъ въ Іенскомъ Университетѣ всѣ части Философіи. Здѣсь же, кромѣ многочисленныхъ журнальныхъ статей, онъ написалъ нѣсколько сочиненій по Философіи, каковы: «Обозрѣніе системъ Канта и Фихте, Духъ Философіи новѣйшихъ временъ, Опытъ наукъ чистой Философіи, Опытъ чистой Логики и Метафизики» и др.; кромѣ того, до переѣзда въ Россію, имъ написано: «Объ отношеніи духовнаго званія, особенно монастырей, къ Государству, Описаніе моей жизни, Рай любви.» По рекомендаціи Гёте и Шиллера, Попечитель Потоцкій пригласилъ его въ Харьковскій Университетъ на кафедру Философіи (утвержденъ 1 Февраля, 1804 года). Роммель, бывшій въ Харьковѣ (съ 1811 до половины Іюля 1814 г.) въ благопріятныхъ отношеніяхъ съ Шадомъ и издавшій вмѣстѣ съ нимъ Латинскую Христоматию (ему принадлежитъ стихотворная, а Шаду прозаическая часть), характеризуетъ его слѣдующ. образомъ, въ своихъ воспоминаніяхъ: «Яростный, ненавистный Русскимъ поборникъ просвѣщенія, Литературы и Филологіи, Шадъ привлекъ Студентовъ своею Логикою, написанною плавною Латынью (что то въ родѣ Философской Пропедевтики); въ школѣ Іезуитовъ онъ усвоилъ Латинскую рѣчь въ совершенствѣ, и уже по тому игралъ

¹ По условіямъ, выговореннымъ съ Университетомъ, каждый изъ нихъ долженъ былъ получить плату за 300 экземпляровъ своей части (Христоматія издана въ двухъ частяхъ), какъ перваго, такъ и втораго, изданія и, кромѣ того, 50 экземпляровъ, «quod, scilicet, in usum Germaniae vendemus.»

большую роль въ Совѣтѣ и на всѣхъ диспутахъ. Разсказы Шада о скандальныхъ приключеніяхъ съ монахами были очень забавны и блистали неистощимымъ юморомъ, особенно когда онъ брался за скрипку, спасенную во время опаснаго его прыжка изъ Банца, и затягивалъ пѣснь свободы, подходившую къ птичьему пѣнію. Это былъ совершенный циникъ, у котораго монашескія привычки не совсѣмъ прикрывались Русскимъ мундиромъ. Держа оппозицію противъ старыхъ Русскихъ Профессоровъ,² онъ давалъ слишкомъ много воли своему языку, и однажды въ Совѣтѣ забылся до того, что сказалъ: «Вы всѣ холопы!» Неумѣренное пьянство³ подрывало его здоровье, а несчастный бракъ, составившійся въ Курскѣ, на пирушкѣ, съ женщиной сомнительной репутаціи, не то Русскою, не то Нѣмкою, ускорилъ его домашнюю катастрофу. На него въ послѣдствіи сдѣланъ былъ доносъ: лекціи Метафизики, отзывавшіяся Философіей Шеллинга, выданы за атеизмъ. Послѣ моего отъѣзда изъ Россіи, его препроводили изъ Харькова до границы, и онъ окончилъ свою несчастную жизнь въ Іенѣ («Пять лѣтъ» и пр. стр. 65, 66). Въ Харьковскомъ Университетѣ Шадъ дѣйствительно велъ почти непрерывную и ожесточенную борьбу съ Членами Совѣта и далеко не съ одними старыми Русскими Профессорами, какъ говоритъ Роммель, а не рѣдко и съ своими земляками, и далеко не всегда являлся онъ въ этой борьбѣ «лоборникомъ просвѣщенія», какъ утверждаетъ тотъ же Роммель. Протоколы Совѣта того времени, особенно 1812—1816 годовъ, могутъ служить достаточнымъ тому доказательствомъ. Такъ роль Шада въ Магистерскихъ и Докторскихъ экзаменахъ, изобиловавшихъ въ указанные выше годы, во всякомъ случаѣ можетъ возбуждать сильныя недоумѣнія съ нравственной точки зрѣнія. Мы надѣемся скоро коснуться первыхъ промоцій въ

² Характеръ участія его въ дѣлѣ Стойковича противорѣчитъ этому показанію, а изъ предыдущаго видно, что зачастую и Нѣмцы не уступали Русскимъ въ ненависти къ Шаду.

³ Т. С. Селивановъ въ своихъ «Замѣткахъ», также говоритъ, что онъ «любилъ, выпить», для чего ѣздилъ часто въ одинъ подгородній хуторъ и на возвратномъ пути оттуда «съ малой толикой наливки» былъ однажды захваченъ объѣзчиками (о чемъ сохранилось особое дѣло въ Правленіи). Тамъ же замѣчено, что Шаду «нравилась Русская національная брань: «въ ней, говоритъ онъ, нѣтъ проклятій, а какая-то любезность, облеченная въ грубую и пахабную форму», и всѣ фразы ея перевелъ на Латинскій языкъ, а по дѣлу, гдѣ надобно (!), и употребляетъ».

Харьковскомъ Университетѣ. Самое дѣло о высылкѣ Шада изъ Россіи, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ ними.

Въ концѣ 1815 года Дегуровъ донесъ Совѣту, что диссертациі докторантовъ Ковалевскаго и Гриневича буквально списаны съ печатнаго сочиненія Шада, и буквально сходны съ записками Студентовъ (Гриневичъ уже успѣлъ защитить свою диссертацию). Назначенная Совѣтомъ Коммисія изъ Профессоровъ: Шумлянскаго, Успенскаго и Нельдехена, подтвердила донесеніе Дегурова. Рѣшено было донести о томъ Министру, который и потребовалъ къ себѣ обѣ диссертациі, а также рукописныя тетради Шада, по которымъ читалъ Философію (Засѣданіе 16 Февр., 1816 г.). Послѣднія не могли быть отправлены, такъ какъ Шадъ, на запросъ Совѣта, отозвался, что онъ Метафизику и Логику читалъ безъ записокъ (*ex tempore tradit*), а остальное (Логику) по изданному Руководству; вмѣсто нихъ были отправлены Студентскія записки. Отъ 17-го Февраля послѣдовалъ новый запросъ отъ Министра: «На какомъ основаніи Совѣтъ разрѣшилъ напечатать на казенный счетъ составленную Шадомъ Христоматию подъ заглавіемъ: «*De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum?*» Книга эта дѣйствительно издана была Университетомъ въ концѣ 1815 года. Въ довольно длинномъ посвященіи ея Министру, А. К. Разумовскому, Шадъ восхваляетъ до небесъ заслуги послѣдняго на пользу Русскаго просвѣщенія и выражаетъ увѣренность, что эта «золотая книга, полезнѣе и пригоднѣе которой для учащагося юношества едва ли можно найти,» по точномъ разсмотрѣніи, будетъ распространена во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это вызвало гоненіе на Христоматию, не заслуживавшую его всѣмъ своимъ содержаніемъ, заключающую въ себѣ перепечатку сочиненія Аврелія Виктора (писателя IV вѣка по Р. Х.), съ распространеніемъ поучительнаго элемента примѣрами добродѣтелей, извлеченными изъ классическихъ писателей.⁴ Причина, безъ сомнѣнія, въ предисловіи, въ той его части, гдѣ составитель многорѣчиво и съ пафосомъ сопоставляетъ добродѣтели Язычниковъ и Христіянъ не въ пользу послѣднихъ. Для доказательства достаточно привести хоть слѣдующія строки, не безполезныя и для общей харак-

⁴ Подавшій поводъ къ Харьковскому изданію, Ломондъ (въ 1805 г. 9-е изд.) распространилъ Аврелія Виктора въ военной части его біографіи, въ чемъ Шадъ видитъ низкую угодливость тирану—Наполеону.

теристики Шада: «Не мало такихъ цѣнителей, которые осуждаютъ всѣ добродѣтели язычниковъ, или всѣхъ, слѣдующихъ естественному свѣту разума и не знающихъ Откровенной Религіи, называя ихъ блестящими пороками. О, если бы міръ Христіанскій изобиловалъ этими блестящими пороками! Ихъ, безъ сомнѣнія, привѣтствовала бы сама Христіанская Религія, а мы не испытали бы столько общественныхъ и частныхъ бѣдствій, раждающихся отъ извращенія всего нравственнаго міра. Откровенно должно признаться, что мы, нагло гордящіеся однимъ именемъ Христіанъ и его недостойные, во прахѣ всѣхъ преступленій пресмыкающіеся, презирающіе величайшія и вѣчной славы достойныя дѣянія тѣхъ, кому не удалось просвѣтиться Христіанствомъ, что мы далеки отъ того искренняго и чистаго стремленія къ истинѣ, какимъ воодушевлена была древность, что въ наше время господствуетъ такое развращеніе нравовъ, не смотря на данныя намъ въ руководство Христіанскія правила, что сочли бы глупцомъ и осмѣяли того, кто вздумалъ бы брать себѣ въ образцы древнихъ. Чѣмъ дальше живетъ человѣческій родъ, тѣмъ, по видимому, больше удаляется отъ своего божественнаго источника, и т. д.» Опредѣливши добродѣтель по ея существу, онъ предлагаетъ возвратиться къ древнимъ и ихъ образцами лѣчить современное всеобщее развращеніе, нравственную язву, растлѣвающую Христіанскій міръ (X—XII). Мысли этого рода, очевидно, не могли согласоваться съ распространявшимся тогда у насъ піетистическимъ направленіемъ, крѣпко утвердившимся потомъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и не замедлившимъ сильно отразиться и на Харьковскомъ Университетѣ. Въ то время только что получено было въ Университетѣ Отношеніе Слободско-Украинскаго Губернатора, Муратова (5 Іюля, 1815 г.), съ приглашеніемъ содѣйствовать къ открытію въ Харьковѣ особаго Отдѣленія Библейскаго Общества.⁵ По справкѣ о напечатаніи книги Шада оказалось, что рукопись была представлена Дегуровымъ (тогдашнимъ Деканомъ Словеснаго Факультета) въ Училищный Комитетъ, съ просьбою о напечатаніи ея на казенный счетъ, для употребленія въ Училищахъ. Совѣтъ,

⁵ Тогдашній Вице-Президентъ Библейскаго Общества, Карибевъ, обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ Муратову, сохранившимся въ архивѣ въ печатномъ экземплярѣ: «Признательность къ мѣсту нашего рожденія и къ сословію, гдѣ, при воспитаніи въ юности, посѣяны въ умъ и сердце добрыя сѣмена Вѣры и добродѣтели, обязываетъ насъ на весь вѣкъ najживѣйшими

по Отношенію Комитета, запросилъ мнѣніе Словеснаго Факультета, а между тѣмъ Шадъ донесъ, что онъ отказывается отъ всякаго вознагражденія за свой трудъ. Получивъ благопріятный отзывъ отъ Факультета, Совѣтъ, основываясь на прежнихъ Министерскихъ распоряженіяхъ въ подобныхъ случаяхъ, препроводилъ рукопись въ Правленіе, для распоряженій о ея напечатаніи.

Вмѣстѣ съ этой Христоматіей разсматривалось и сочиненіе Шада, изданное въ Харьковѣ въ концѣ 1814 года, подъ заглавіемъ: «*Institutiones juris naturae.*» Въ посвященіи его Императору, Шадъ, воздавши ему хвалу за освобожденіе Россіи и Европы отъ «тирана, военного чудовища (*militari monstro*) нашего вѣка, исполненнаго ярости и неутомимой жажды человѣческой крови,» указываетъ на цѣль изданія книги—содѣйствовать установленію вѣрныхъ понятій о естественномъ правѣ, освобожденію народовъ отъ тѣхъ ошибочныхъ о немъ представленій, изъ которыхъ проистекли всѣ народныя бѣдствія, самая тиранія, и которыя заразили своимъ ядомъ даже самые образованные народы. Эта цѣль заставила его измѣнить порядокъ изданія своихъ Философскихъ сочиненій, указанный имъ два года тому назадъ въ предисловіи къ «Чистой и прикладной Логикѣ.»⁶ Возможность же установленія истинныхъ понятій о правѣ, поправленныхъ Французской Философіей, Шадъ видитъ только въ соглашеніи науки о правѣ съ наукой о нравственности и религіи,—и этому посвящена его книга. «Чья божественную мудрость, говоритъ онъ, выразившуюся въ Священ-

къ нему чувствованіями благодарности и требуетъ, дабы, по мѣрѣ преуспѣянія нашего въ теченіе жизни въ сихъ главныхъ основаніяхъ благоденствія человѣческаго, безпрестанно обращали все вниманіе на свою отчизну и на мѣсто перваго нашего воспитанія, къ дальнѣйшему просвѣщенію въ истинѣ ближнихъ нашихъ и къ доставленію имъ вѣрныхъ средствъ дѣлаться не на время токмо, но и на вѣчность, благополучными. Сей предметъ, магнетически привлекая меня всегда къ Слободско-Украинской Губерніи, гдѣ я родился, и къ городу Харькову, гдѣ первое получилъ воспитаніе въ Вѣрѣ Христіанской, до нынѣ не представлялъ мнѣ столь вѣрнаго средства быть полезнымъ моимъ соотчичамъ, какъ теперь, по вступленіи въ Члены Росс. Библ. Общества и по избраніи онымъ меня въ Вице-Президенты.» За тѣмъ проситъ озаботиться открытіемъ особаго Отдѣленія. 21 Августа снова обращается Муратовъ къ Университету, проситъ содѣйствія, объ установленіи ежегоднаго взноса и о донесеніи ему о послѣдствіяхъ; 22 Октября увѣдомляетъ о разрѣшеніи открыть Отдѣленіе Общества и снова проситъ содѣйствія.

⁶ За Логикой должны были слѣдовать Метафизика и Нравственная Философія;

номъ Писаніи, преимущественно въ Новомъ Завѣтѣ, я отвергаю и признаю ложною и гибельною всякую Философію, не согласную съ истинами, проповѣдуемыми Св. Писаніемъ. Во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ, изданныхъ и предназначаемыхъ къ изданію, я стремлюсь къ тому, чтобы сообщить этимъ святымъ, глубокимъ и спасительнымъ истинамъ такія опоры (*iis instruere fulcris*), которыхъ не могли бы поколебать и ниспровергнуть никакія мѣны временъ и мѣній человѣческихъ, никакая ложная философія и самая необузданная жизнь. Въ этомъ стремленіи моя слава, въ немъ хочу состарѣться и съ нимъ умереть.» И, однако, это сочиненіе признано Министерствомъ не только неудобнымъ, но и вреднымъ для Студентовъ и вообще для Русскаго юношества. «При томъ, пишетъ Министръ (въ бумагѣ, прочитанной въ засѣданіи Совѣта, 5 Апрѣля), въ немъ много разсужденій, не согласныхъ съ нашими учрежденіями, на пр., на стр 18—21, 71, и другихъ намековъ на новѣйшія политическія обстоятельства и извѣстные лица, сильныя нападенія на Французовъ въ пользу Нѣмцевъ, много слишкомъ пространныхъ примѣровъ изъ древнихъ и новыхъ писателей, даже поэтовъ, наконецъ разсужденій, слишкомъ отвлеченныхъ. Авторъ слѣдуетъ, продолжаетъ Министръ, новѣйшей Нѣмецкой Философіи, преимущественно Шеллингу, а между тѣмъ весьма сомнительно, чтобы можно было допустить введеніе этой Философіи въ Россію, тѣмъ болѣе образованіе по ней Русскаго юношества.»⁷ Особенно Министръ останавливается на тѣхъ разсужденіяхъ, которыя не отличаются осторожностью и умѣренностью, необходимыми въ книгахъ этого рода, на разсужденіяхъ, несогласныхъ съ господствующими у насъ началами и убѣжденіями, на примѣръ, о власти

Естественное Право должно было служить заключеніемъ. «*Quibus, говорить Шадъ, totum philosophiae meae systema, uni superstructum fundamento, absolvam.*»

⁷ Свое отношеніе къ Философіи Шеллинга Министерство высказало Харьковскому Университету въ Февралѣ 1814 года, по поводу представленія Дудровича въ Адъюнкты Философіи. «До свѣдѣнія моего дошло, писалъ тогда Министръ (отъ 19 Февраля), что Шадъ рекомендовалъ Дудровича, какъ свѣдущаго въ системахъ Канта, Фихте и Шеллинга. А такъ какъ съ видами Министерства Народнаго Просвѣщенія не согласно распространеніе въ учебныхъ заведеніяхъ ученія Шеллинга, то предлагаю Университету безпристрастно довести, какой системы Философическихъ наукъ придерживается Профессоръ Шадъ, равно и Дудровичъ, и одобряетъ ли оную Университетъ?» При этомъ Министръ увѣдомляетъ, что до полученія требуемыхъ свѣдѣній онъ задерживаетъ утвержденіе Дудровича. Въ то время Шадъ обратился къ

Государя (стр. 175 и 345), о недозволеніи никакихъ особыхъ толковъ и ересей между Православными (стр. 167 и 168), указыва-
етъ на порицаніе существующихъ у насъ постановленій (183, 302),
на несогласныя съ нашими правами сужденія о бракѣ (283 и слѣд.).
«Если и можно, пишетъ Министръ, защищать сужденія этого рода,
какъ не противныя добродѣтели, то они никакъ не могутъ имѣть
мѣста въ руководствѣ для обученія юношества.» Въ заключеніе
Министръ предлагаетъ Попечителю предписать Университету «изъ-
ять книгу Шада изъ употребленія, и на будущее время книги,
предназначаемыя для употребленія на лекціяхъ, разсматривать съ
особенною внимательностію въ Совѣтѣ, или въ особой Коммисіи, такъ
какъ для книгъ этого рода недостаточно обыкновенной цензуры.»

Дѣло, однако, на этомъ не остановилось. Въ Ноябрѣ 1816 го-
да судьба Шада рѣшена была окончательно: 8 Декабря, по пред-
писанію Министра Полиціи, онъ поспѣшно вывезенъ былъ изъ
Харькова и препровожденъ за границу. Въ засѣданіи Совѣта, 13
Декабря, прочитана была слѣдующая бумага Министра: «По обя-
занности, я докладывавъ въ Совѣтѣ Министровъ о книгахъ въ ру-
ководство для Студентовъ: «*Institutiones juris naturae*,» и «*De viris
illustribus urbis Romae*,» заключающихъ въ себѣ многія мѣста, не-

Совѣту съ такимъ заявленіемъ: «Я такъ далекъ отъ намѣренія просить вашей
снисходительности и благоволенія, что скорѣе готовъ призывать на себя вашу
строжайшую правду и любовь къ истинѣ, которыя нельзя бы было поколе-
бать никакимъ предубѣжденіемъ и никакимъ пристрастіемъ. Дѣло, пору-
ченное вамъ Министромъ, святое дѣло, а по тому и должно быть разсмотрѣно
свято, справедливо и свободно.» О Дудровичѣ отозвался онъ такъ: «Способ-
нѣе для этой должности (Адъюнкта Философіи) и достойнѣе его во всѣхъ
отношеніяхъ я не могъ, и до сихъ поръ не могу, найти (*me virum aptiorem ad
hoc munus et omni ex parte digniorem nec invenire potuisse, nec adhuc posse*).»
Дудровичъ былъ утвержденъ Адъюнктомъ 24 Августа, 1814 г. О Философской
системѣ Шада Совѣтъ, послѣ долгаго сужденія, постановилъ слѣдующее рѣ-
шеніе: «Совѣтъ не усматриваетъ противорѣчія Философіи Профессора Шада
цѣли общественнаго образованія (*philosophia prof. Schad scopo instructionis
publicae contraria non censetur*).» О представленіи же Дудровича къ Адъюнкты
мнѣнія раздѣлились: Ректоръ (Осиповскій), къ которому присоединились Шу-
млянскій и Каменскій, признавалъ достаточнымъ для Философіи одного Про-
фессора и возможнымъ ограничить ея преподаваніе Логикой, Опытной Пси-
хологіей и Пѣнкой. Каменскій при томъ замѣтилъ, что Адъюнкты нужнѣе для
кафедръ, требующихъ не только теоретическаго преподаванія, но и особен-
ныхъ практическихъ занятій Студентовъ, каковы: Физика, Математика и
Медицина.

годныя для этихъ книгъ, а также и о томъ, что диссертациіи Гриневича и Ковалевскаго оказались подложными и списанными съ записокъ сочиненія Шада. Совѣтъ Министровъ, соображая, что Шадъ не только не можетъ быть оставленъ въ настоящей должности, но съ обнаруженнымъ имъ образомъ мыслей не можетъ быть терпимъ долѣе въ Россіи, опредѣлилъ: «Немедленно удаливъ его отъ должности, выслать за границу, уничтожить обѣ изданныя имъ книги и извѣстить о томъ всѣ Университеты. Это опредѣленіе Высочайше утверждено, и Министру Полиціи дано о томъ знать.» Въ этомъ же засѣданіи Совѣтъ слушалъ другую бумагу Министра, запрещающую впредь производить въ степень Доктора помимо степени Магистра. *

Такимъ образомъ разразившаяся надъ Шадомъ катастрофа вызвана была главнымъ образомъ направленіемъ и характеромъ его Философскихъ убѣжденій, обнаруженныхъ въ двухъ упомянутыхъ книгахъ. Мысли изъ предисловія къ сборнику: «*De viris illustribus*,» безъ сомнѣнія, обратившія на себя особенное вниманіе Министерства, приведены нами выше. Въ чемъ же заключается вредный образъ мыслей Шада въ его «*Institutiones juris naturae*?»

Весьма любопытно остановиться на мѣстахъ этого сочиненія, отмѣченныхъ въ Министерской бумагѣ, такъ какъ они послужили главнымъ основаніемъ для столь внезапнаго и необычнаго рѣшенія судьбы Шада; любопытны эти мѣста и для характеристики тогдашняго Правительственнаго взгляда съ одной стороны, и самого Шада съ другой. Приведемъ здѣсь, въ точномъ Русскомъ переводѣ, важнѣйшія изъ этихъ мѣстъ, съ нѣкоторыми дополненіями изъ другихъ мѣстъ того же сочиненія: дополненія эти интересны уже по тому, что сочиненіе Шада есть единственное въ этомъ родѣ, напечатанное въ одномъ изъ только что родившихся на свѣтъ Русскихъ Университетовъ, и во всякомъ случаѣ весьма замѣчательное; при томъ оно, истребленное скоро послѣ своего появленія, составляетъ библіографическую рѣдкость.

Всѣ права человѣка Шадъ выводитъ (стр. 1—21), разумѣется, изъ общаго, прирожденнаго, вѣчнаго и непреложнаго, права человѣка, отъ котораго зависитъ всякое положительное законодательство и которое человѣкъ можетъ утратить только по соб-

* А теперь что дѣлается у насъ? Совершенно напротивъ, и даже жалуются въ Доктора ни одной строчки въ жизнь свою не напечатавшіе и, къ стыду жалующихъ, признающіеся въ полной неспособности къ тому. См. статью въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1872 г. кн. X: «Даровое Докторство.» О. Б.

ственной волѣ, изъ права, требуемаго разумомъ—жить согласно съ своею природою» (*homo secum ipso sit in perfecta harmonia*). Въ этомъ смыслѣ, говорить онъ, человѣкъ имѣетъ право на абсолютную свободу, которой никакая внѣшняя сила, даже вооруженная всемогуществомъ оружія, не можетъ исторгнуть; въ этомъ правѣ заключается высшее достоинство человѣка, сближающее его съ божественною природою; съ точки зрѣнія этого права человѣкъ самъ себѣ законъ, и это есть высшій законъ, духъ, одушевляющій всѣ остальные законы, цѣль, для которой послѣдніе служатъ только средствомъ. А такъ какъ человѣкъ есть необходимый синтезъ животной и разумной природы (какъ все существующее есть синтезъ противоположностей, продуктъ противодѣйствія силъ, все производящихъ, и закона безконечнаго развитія), и такъ какъ совершенство человѣка состоитъ въ абсолютной гармоніи той и другой природы, то этотъ синтезъ и долженъ служить основаніемъ для всякаго законодательства, опредѣляющаго дѣятельность человѣка. Среднее состояніе между двумя крайними, животнымъ и разумнымъ, въ которомъ только и возможно развитіе человѣка, возбужденіе и совершенствованіе его силъ, достиженіе верховной цѣли жизни—приближенія къ Божеству, есть состояніе общественное и особенно гражданское (*status socialis, cujus tantummodo species est status civilis*), свойственное человѣку, какъ гражданину земному и небесному; въ немъ только онъ и можетъ познавать свои права и обязанности. По силѣ разума, человѣкъ абсолютно свободенъ и самъ себѣ законъ, а по тому можетъ принимать законодательство, только согласное съ разумомъ, и хотя, по своей волѣ, можетъ принять законъ, противный разуму, но въ такомъ случаѣ онъ теряетъ свое достоинство разумнаго существа. Человѣкъ долженъ быть и оставаться человѣкомъ, и защищать себя, какъ человѣка: въ этомъ непреложное право разума, и всякое положительное законодательство должно быть въ строгомъ согласіи съ этимъ правомъ. Отсюда естественное право есть философія положительнаго права.»

Съ точки зрѣнія этихъ общихъ положеній должно смотрѣть на относящіеся сюда мѣста, отмѣченныя въ Министерской бумагѣ. Такъ, на стр. 18—21, исходя изъ положенія о синтезѣ животной и разумной природы человѣка, авторъ заключаетъ, что «существенныя условія общественной и гражданской жизни—забота о собственномъ удобствѣ, ненарушимость взаимныхъ правъ и мудрость (*proprii commodi studium, inviolabilitas et sapientia*). Человѣкъ на-

чинаетъ съ заботы о собственномъ удобствѣ, но разумъ требуетъ, чтобы онъ умѣрялъ и ограничивалъ эту заботу; ибо кто руководится только ею, тотъ не способенъ къ общественной жизни. Ненарушимость взаимныхъ правъ связана съ правомъ безграничнаго умноженія собственности и развитія способностей, такъ какъ какое либо ограниченіе въ этомъ отношеніи противно человѣческой природѣ (*ut liceat bona sua et facultates ita augere, ut nullus terminus poni possit*). Мудрость, сообщающая человѣку высшее достоинство, есть плодъ заботъ о духовномъ образованіи, не имѣющемъ предѣловъ, и каждое гражданское общество, правильно устроенное, не только не можетъ ограничивать стремленіе къ мудрости, но и обязано облегчать его всеми мѣрами и доставлять къ тому все средства. А по тому нельзя придумать ничего болѣе вѣрнаго, какъ принужденіе въ стремленіи къ этой цѣли, въ выборѣ средствъ къ тому и въ ограниченіи этого стремленія. Ничто не принадлежитъ намъ больше, говоритъ Шадъ, какъ мы сами, какъ наши духовныя блага, которыми мы владѣемъ, или которыми овладѣть можемъ: намъ принадлежитъ свобода, управляемая разумомъ, стремиться ко всему высокому и прекрасному, и тѣмъ выражать свою божественную природу; намъ принадлежитъ воля, возбуждающая насъ къ дѣйствіямъ, достойнымъ человѣка; намъ принадлежатъ все наши духовныя и тѣлесныя силы, непрерывнаго развитія которыхъ требуетъ отъ насъ нашъ разумъ; намъ принадлежатъ все усилія къ изслѣдованію истины, къ проникновенію въ тайны природы; намъ принадлежатъ доказательства для утвержденія святыхъ истинъ, безъ которыхъ никто не можетъ быть ни добрымъ, ни счастливымъ; намъ принадлежитъ убѣжденіе въ абсолютной цѣнѣ добродѣтели, въ высочайшемъ назначеніи человѣка, въ надеждѣ на будущія блага, въ религіи; намъ принадлежитъ, наконецъ, выборъ легчайшихъ средствъ къ достиженію цѣли, предлагаемой разумомъ. Блага эти принадлежатъ намъ больше, чѣмъ все другія, зависящія отъ прихотей случая. Къ охраненію ихъ должны быть обращены все силы нашего духа: лучше потерять все, самую жизнь, чѣмъ потерпѣть какой либо ущербъ этихъ благъ: «И не бойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить», сказалъ Спаситель.» Тѣ же мысли развиваетъ авторъ и на стр. 71-й. «Возвышаясь умомъ до верховной цѣли своей дѣятельности и изучая свою божественную природу, человѣкъ только собственною волею дѣлаетъ себя рабомъ закона свободы. Вооруженный этими божественными узами, какъ бы оружіемъ

всемогущества, онъ выше всей природы. Ничто предъ нимъ, неуклонно стремящимся къ своей цѣли, всѣ ужасы, которыми страшныя силы природы мучать рабовъ физической необходимости и произвола; ничто предъ нимъ всѣ собольженія, разсѣянные повсюду и возбуждающія къ возмущенію противъ власти разума; ничто предъ нимъ надежды, страхъ, бури душевныхъ волненій, чуждая власть, милость и ненависть, честь и безчестіе, любовь къ жизни и страхъ смерти: все это не можетъ сдвинуть съ положенія, однажды занятаго съ твердою рѣшимостью; объ немъ справедливо сказалъ Гораций: «*Si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae.*» Таково сверхъестественное (*supernaturalis*) состояніе человѣка, въ которомъ, съ исключеніемъ всякаго произвола, отождествляются свобода и необходимость. Это состояніе есть небо, къ которому стремится человѣкъ и которымъ онъ всегда и вездѣ, даже въ своемъ естественномъ состояніи, можетъ наслаждаться, если только стремится къ нему искренно и неуклонно.»

Съ точки зрѣнія тѣхъ же общихъ положеній должно смотрѣть и на слѣдующія, отмѣченныя Министерствомъ (стр. 167 и 168), разсужденія автора въ статьѣ: «О свободѣ мысли.» «Ни одно постановленіе не можетъ имѣть такой силы, чтобы обязать абсолютною необходимостью признать за истину, безъ собственнаго испытанія и удостовѣренія въ достаточности доказательствъ, то, что предлагаетъ законодатель, хотя бы онъ самъ и убѣжденъ былъ въ истинѣ требуемаго; истина не можетъ быть передаваема какъ вещь, или предписываема, а принимается только по свободному изслѣдованію и убѣжденію.» Отсюда несправедливость наказаній въ дѣлахъ вѣры и совѣсти.

Въ тѣсной связи съ этими мыслями находятся разсужденія «о правахъ и обязанностяхъ Государя» (стр. 175 и слѣд.). Сказавши объ обязанности Государя ограничивать дѣйствія подданныхъ въ интересахъ общественнаго благосостоянія, хотя бы эти дѣйствія сами по себѣ были и вполне невинны, и защитившись отъ возраженій тѣхъ, которые въ такомъ ограниченіи видятъ оправданіе тиранніи, Шадъ продолжаетъ: «Если же Государь предписываетъ что либо совершенно произвольно, безъ всякаго соображенія объ общественной пользѣ, то такое предписаніе уничтожается въ короткое время по собственной слабости... Издаваемый Государемъ законъ, противорѣчащій природѣ и духу народа, ни какъ не можетъ долго сохраняться. А по тому законамъ должно повиноваться и тогда, когда ими предписываются дѣй-

ствія, въ которыхъ не видно никакого соображенія объ общественной пользѣ, или запрещаются дѣйствія, совершенно безразличныя и невинныя. Тогда только выступаетъ безусловная свобода дѣйствія, когда предписывается что либо, прямо противное безусловному праву и безусловной обязанности: въ этомъ случаѣ достоинство чловѣка требуетъ лучше жертвовать жизнью, чѣмъ повиноваться такому закону». За тѣмъ слѣдуетъ перечисленіе возраженій, указывающихъ на вредъ неограниченной свободы мысли, воли и дѣйствія, особенно устнаго и письменнаго сообщенія мыслей другимъ, послѣ чего сочинитель приходитъ къ заключенію, что необходимо въ этомъ отношеніи держаться средняго пути (на пр., популярныя сочиненія, по его мнѣнію, безспорно нуждаются въ ограниченіяхъ, между тѣмъ какъ ученыя, а также Университетское преподаваніе, нуждаются въ полной свободѣ): это ведетъ Шада къ горячей защитѣ Латинскаго языка, непонятнаго для толпы. Въ статьѣ «Объ обязанностяхъ Государей» (стр. 348) Шадъ говоритъ: «Государь обязанъ не болѣе ограничивать свободу въ устномъ, или письменномъ, сообщеніи мыслей другимъ, или въ наказаніи общественныхъ злоупотребленій, какъ того требуетъ общественная польза, такъ какъ благоразумная и скромная свобода этого рода должна быть почитаема однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ совершенствованія общественнаго благосостоянія и народнаго образованія. Государь обязанъ предоставлять подданнымъ безъ всякаго различія свободу слѣдовать тому Вѣроисповѣданію и обряду, въ истинѣ, превосходствѣ и пользѣ которыхъ каждый изъ нихъ наиболѣе убѣжденъ.⁹ Въ дѣлахъ важныхъ, отъ которыхъ зависитъ общественное благосостояніе, Государь обязанъ видѣть все собственными глазами, слышать собственными ушами, думать собственнымъ умомъ, осязать собственными руками, а по тому онъ не долженъ стѣснять доступъ къ престолу своимъ подданнымъ.»

Разсужденія Шада «О правѣ семейномъ» (*jus familiae*, ч. II, гл. 2, стр. 383—420) вытекаютъ также съ строгою послѣдовательностію изъ его основныхъ положеній о естественномъ правѣ. Мы остановимся подольше на этой статьѣ, важной по своему содержанию и обратившей на себя вниманіе Министерства. «Родъ чловѣческій (такъ начинается статью Шадъ) самымъ происхожденіемъ

⁹ Но и тутъ существуютъ своего рода исключенія. О. Б.

своимъ, по мысли Творца, выражаетъ собою образъ вѣчной любви, одну семью, соединенную взаимною любовію; ибо Онъ сотворилъ человѣка въ двухъ видахъ, которые, только взятые вмѣстѣ, образуютъ единого человѣка: мужа и жену сотворилъ Онъ, какъ два полюса одной человѣческой субстанции, которые, возбуждаемые самою противоположностію своею, должны стремиться къ внутреннѣйшему соединенію, для образованія цѣльнаго человѣка. Такого соединенія не можетъ образовать никакая власть, никакая сила, кромѣ взаимной любви, и наслажденіе, которую составляетъ для обоихъ пріятную необходимость.» Сказавши объ отличительныхъ чертахъ мужчины и женщины и взаимномъ ихъ дополненіи, Шадъ продолжаетъ: «Этотъ видъ любви, являющійся въ человѣкѣ, какъ совершеннѣйшемъ образѣ Божества, выражается во всей природѣ. Все въ мірѣ существуетъ какъ синтезъ противоположностей; все въ мірѣ, представляя, какъ въ мужѣ и женѣ, силу положительную и отрицательную, ищетъ силы противоположныхъ, стремится къ взаимному соединенію, для образованія цѣлостности. Прирожденные отправления природы (*functiones originariae*), которыми совершаются всѣ измѣненія, суть магнетизмъ, электричество и химическій процессъ: въ магнетизмѣ два противоположные полюса, взаимно притягивающіеся; въ электричествѣ — тѣла съ положительнымъ и отрицательнымъ электричествомъ, соединяющіяся во взаимной борьбѣ (*quae pugnando invicem se amplectuntur*); въ процессѣ химическомъ противоположные элементы, стремящіеся къ внутреннему соединенію, и этимъ соединеніемъ производящіе новыя тѣла, какъ плодъ взаимной любви. Въ этомъ необходимомъ и всеобщемъ противоположеніи состоитъ вся жизнь...¹⁰ Два первые человѣка, вышедшіе невинными изъ рукъ Творца, для достиженія цѣли человѣчества соединились, побуждаемые единственно одною любовію, а по тому ложно думаютъ тѣ, которые полага-

¹⁰ Дакъ Шадъ высказываетъ господствовавшее, особенно въ прошломъ вѣкѣ, оптимистическое воззрѣніе. Объяснивши всѣ явленія внутренней жизни человѣка безконечнымъ стремленіемъ противоположностей къ совершенной и безусловной гармоніи, т. е. къ благополучію, такъ какъ достиженіе каждой частной истины, производя въ душѣ диссонансъ, возбуждаетъ къ достиженію высшей истины, Шадъ говоритъ: «по этому всѣ несчастія, какъ физическія, такъ и нравственныя, исчезаютъ во всеобщей жизни природы; такъ называемыя несчастія суть только противоположности, какъ необходимыми возбужденія и средства для достиженія высшей гармоніи, совершенства, счастья.»

ють цѣль брака въ рожденіи дѣтей. Первыхъ людей, при отсутствіи выбора и соисканія, соединила одна любовь; но, съ распространеніемъ человѣческаго рода, явилось необходимымъ установленіе брака, какъ особаго учрежденія.» Разсужденія Шада о разводѣ вытекаютъ изъ основанія брака—взаимной любви, соединяющей чету тѣлесно и духовно, и изъ вытекающаго отсюда понятія о бракѣ, какъ договорѣ: все, что противно этому договору, составляетъ законную причину развода. Причины эти Шадъ сводитъ къ двумъ главнымъ: 1) прекращенію согласія на сожительство и 2) къ физической неспособности; все остальное относится къ области условнаго права (*jus hypotheticum*).¹¹

¹¹ Приведемъ здѣсь въ подлинникъ патетическое обращеніе Шада къ матерямъ высшихъ сословій, приглашающее ихъ къ осторожности въ состояніи беременности и къ кормленію дѣтей собственною грудью: «O, perpendite, per Deum immortalem, perpendite potissimum vos, in ordinibus superioribus constitutae matres! Perpendite, quod, si sinum, quem natura hoc in statu extendit, violente comprimitis, ut pulchritudinis falsae specie oculos aliorum fascinetis; si nocturnis commensationibus, conventibus, saltibus aliisque hominum bacchantium actionibus usque ad summam intemperantiam delectemini, perpendite, quaeso, quod, hac ratione infantem, qui sub pectore vestro delitescit, ac libero motu vestram humanitatem et misericordiam implorat, occidere, vel certe semina dispositionis infelicis ad morbos tum corporis, tum mentis, in tenero foetu ponere possitis.» (309)

«Ad officia matris potissimum spectat, ut infantem ex proprio fonte, qui, amabili naturae dispositione, in ejus pectore scaturit satietque. Mater, quae, etiamsi posset, infanti ubera praeberere recusat, ingrata est, et quidem ingrata erga infantem, ac ingrata erga naturam. Infans recens, natus matrem molestissimo onere et doloribus maxime cruciantibus liberavit. Quam praeterea divina voluptate perfundi bonam matrem oportet, si infantem pectori admoveat eumque amplexando nutrit; si sinus cogitat, se, quasi vis creatricae participem, ad producendum inter res aspectabiles ens supremum, qualis est homo, concurrisse: Benignissimus auctor naturae, ut ostenderet, in homine maxime aeternum suum amorem expressum esse; corpus foeminae ita formavit, ut dulcem, quo infans nutriatur, fontem pectori applicaret, ac in ipso nutritionis officio matri amoris purrissimi perfuendi occasionem daret. Quanta jam ex eo in homine elucet dignitas, quod, cum natura in caeteris animalibus lac maternum ad nutrimentum prolium ventri addiderit, in foemina humana nobilissimam corporis partem, pectus scilicet, tanquam templum, amori dedicatum, ad hanc piam functionem destinaverit! Quapropter nihil est pulchrius, nihil jucundius, nihil sublimius, nisi videre infantem ex tenerae matris uberibus pendentem, iis se recreantem et quasi luxuriantem! Inhumanae, crudeles matres, quae vel ex commoditate, vel ex luxu, vel ex libidine, vel ex metu, ne quid earum pulchritudo detrimenti patiatur, infanti, quem sub pectore gesserunt, ubera denegant! Nihil fortius, nihil potentius debilitate et inopia, quae maxime in infantibus cernitur, quae parentum, et praecipue matris opem implorata» (311).

Объяснивши за тѣмъ обязанность родителей и общества относительно воспитанія и образованія дѣтей, безъ права, однако, на ихъ убѣжденія, Шадъ замѣчаетъ: «Отъ высшихъ сословій, занимающихъ общественныя должности и имѣющихъ, по своимъ привилегіямъ, богатству, внѣшнимъ отличіямъ и власти, большое вліяніе на остальныхъ гражданъ, общество можетъ требовать высшаго и разнообразнаго образованія, и имѣетъ право предписать самыя средства для его достиженія; въ наказаніе же, за невыполненіе этого требованія, они могутъ быть низводимы въ низшія сословія (*si hoc facere recusent, in poenam ad inferiorem ordinem detrudi possint*). Если выснія сословія, большею частію стремящіяся къ власти, кромѣ богатства, происхожденія и внѣшнихъ отличій, не имѣютъ никакихъ ручательствъ за полезное вліяніе на общество; если они грубы, необразованны и при томъ безразсудно горды, домогаются важнѣйшихъ общественныхъ должностей и занимаютъ ихъ, какой вредъ приносятъ они обществу!» По окончаніи же образованія, говоритъ Шадъ, сыновья получаютъ равныя права съ родителями, и послѣдніе не имѣютъ болѣе права на приказаніе, или наказаніе; въ противномъ случаѣ сами подлежатъ наказанію, какъ нарушившіе гражданскія права своихъ дѣтей. «До сихъ поръ еще остаются слѣды стараго тиранническаго убѣжденія, что сыновья обязаны рабскимъ отношеніемъ къ родителямъ за свое рожденіе, воспитаніе и образованіе, и убѣжденіе о ихъ равноправности съ родителями, по достиженіи совершеннолѣтія, многими признается юридическою ересью.» Наказаніе дѣтей, по мнѣнію Шада, имѣетъ цѣлію пріученіе ихъ къ повиновенію приказаніями, согласными съ разумомъ. Хотя воля и не подлежитъ принужденію, однако существуютъ разныя возбужденія, чувственныя и раціональныя, для пріученія къ пользованію свободой; хотя наказаніе и не имѣетъ силы непосредственно возбуждать опредѣленіе чувства, мысли и желанія, однако оно важно для укрощенія дикихъ душевныхъ порывовъ, для обузданія чувственности, искорененія дурныхъ привычекъ, овладѣвающихъ людьми и покоряющихъ себѣ ихъ волю.»

Наконецъ, коснувшись домашней прислуги, Шадъ высказываетъ слѣдующія мысли о рабствѣ: «Рабство, въ собственномъ смыслѣ, по которому человѣкъ разсматривается какъ вещь, противорѣчитъ естественному праву. Хотя съ древнихъ временъ были, и теперь есть, господа, считающіе своимъ правомъ отнимать у рабовъ своихъ не только имущество, но и жизнь, и не только у

нихъ, но и у ихъ дѣтей и всего потомства, и не признающіе за рабами никакого человѣческаго права, однако такое убѣжденіе противно общественной жизни, какъ не основывающееся на общемъ благѣ. По законамъ разума, нѣтъ права безъ взаимнаго права, т. е., безъ обязательства, а при такомъ образѣ мыслей господинъ имѣлъ бы право безъ обязательства, подчиненные же ему имѣли бы только одно обязательство безъ всякаго права; такое состояніе противорѣчило бы природѣ всякаго общества; при томъ оно не основано и на договорѣ, такъ какъ согласіе подвергнуть свою жизнь всевозможнымъ бѣдствіямъ выражало бы не волю, а безуміе; наконецъ, такое состояніе есть не что иное, какъ непрерывная война, объявленная самому роду человѣческому и его достоинству, противно всѣмъ условіямъ общественной жизни.» Впрочемъ, все сочиненіе Шада, основанное на принципѣ безусловной свободы, есть неумолимый протестъ противъ всякаго вида насилія этой свободѣ. Этотъ принципъ, будучи и принципомъ всякой правды, выраженъ имъ такъ: «*Nihil agere licet nec in se, nec in alios, quo jus quoddam originarium immediate et absolute laeditur.*» Съ нимъ тѣсно связанъ другой принципъ, служащій основаніемъ всякаго условнаго права: «*Nihil agere licet, quo jus alterius, pacto quodam ortum, laeditur*» (257, 258). Всякое положительное, условное, произвольное право находящееся въ противорѣчій съ правомъ естественнымъ, недѣйствительно и не можетъ быть оправдываемо никакими разсужденіями, никакимъ временемъ (260—261): «Если человѣкъ долженъ считать дѣломъ совѣсти не злоупотреблять всѣми предметами природы, смотрѣть на нихъ, какъ на священные сосуды универсальнаго храма природы..., то какими помыслами онъ долженъ быть воодушевленъ къ человѣку, этому совершеннѣйшему творенію Творца природы, Ему подобному, какъ бы земному Богу! Съ какою любовію, уваженіемъ и благоговѣніемъ онъ долженъ къ нему относиться! Какъ должно ужасать его нанесеніе ему малѣйшаго оскорбленія! Съ какою заботливостію онъ долженъ содѣйствовать ему въ достиженіи его высокихъ цѣлей, его совершенства и счастья!» (279).

Приведенныя основныя положенія сочиненія Шада и ихъ развитіе говорятъ сами за себя и не нуждаются въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ. При внимательномъ и безпристрастномъ ихъ обсужденіи и при всемъ уваженіи къ труду сочинителя, безспорно весьма замѣчательному по силѣ и ясности мысли, по строгой послѣдовательности въ ея развитіи, по живому воодушевленію и по пре-

красному выраженію, нельзя не согласиться съ заключеніемъ Министерства, что весьма многое въ немъ «ни какъ не можетъ имѣть мѣста, какъ въ руководствѣ для обученія юношества,» особенно съ той подготовкой послѣдняго, какую мы имѣемъ полное право предполагать для того времени. При соображеніи же условій времени и Правительственнаго взгляда, входившаго тогда въ силу, погромъ, постигшій сочинителя, въ весьма значительной степени можетъ быть объясняемъ самымъ содержаніемъ и направленіемъ его творенія.

Какъ бы мы, однако, ни смотрѣли на это сочиненіе и на постигшую его виновника кару, не только самъ Шадъ считалъ свое дѣло безупречнымъ, но и весь Совѣтъ, какъ мы видѣли, не призналъ противорѣчія его философіи цѣлямъ общественнаго образованія. Въ виду возможныхъ затрудненій при объясненіи Правительственной мѣры, направленной противъ Шада, приобретають нѣкоторую долю вѣроятности тѣ объясненія, которыя заключаются въ его письмѣ изъ Іены къ Веймарскому Посланнику при нашемъ Дворѣ. Хотя это письмо напечатано въ изданномъ въ 1860 году въ Кіевѣ Г. Кулжинскимъ Альманахѣ «Русская правда» (стр. 93—104), однако мы считаемъ полезнымъ привести его здѣсь вполнѣ въ Русскомъ переводѣ:

«Надѣясь на извѣстное ваше благочестіе, справедливость и человеколюбіе, пишетъ Шадъ, осмѣливаюсь изъ далекой страны прибѣгнуть къ вамъ съ этимъ письмомъ и просить вашей помощи. Вамъ извѣстно, что я четыре года тому назадъ, находясь на службѣ въ званіи Профессора Философіи въ Харьковѣ, былъ обвиненъ тогдашнимъ Попечителемъ Харьковского Университета, Графомъ Северинымъ Потоцкимъ, и его кліентомъ, Антономъ Дегуровымъ, лишенъ моей должности и высланъ изъ Россійской Имперіи такъ скоро, что мнѣ не дали и двухъ дней для устройства моихъ хозяйственныхъ и семейныхъ дѣлъ. Надобно было оставить все, что было мнѣ дорого, какъ-то: два прекрасные дома, купленные мною, и значительные денежные капиталы, отданные мною въ займы разнымъ людямъ; надобно было оставить и любезнѣйшую жену и дочь, имѣвшую тогда око 13 лѣтъ.¹² Я не только не сдѣлалъ никакого преступленія, но еще имѣлъ много заслугъ въ Харьковскомъ Университетѣ, о чемъ всѣ мо-

¹² По послужному списку 1812 года у него были дѣти: сынъ Германъ 10 лѣтъ и дочери: Тулія 8 лѣтъ и Елисавета 6.

гуть засвидѣтельствовать, кто хорошо знаетъ меня въ Харьковѣ. День и ночь я трудился о славѣ и приращеніи Университета и о пользѣ обучающагося въ немъ юношества, не только искренно сообщая ему истинное просвѣщеніе, но и возбуждая въ немъ любовь къ добродѣтели, религіи и отечеству. Единственное мое преступленіе въ глазахъ Графа Потоцкаго было то, что я въ книгахъ, изданныхъ мною съ одобренія, и даже по порученію Университета, для употребленія въ Гимназіи и въ Университетѣ, описывалъ черными красками великаго Наполеона и великую Французскую націю, и старался воодушевить обучающихся юношей любовью къ отечеству, добродѣтели и религіи. Графъ Потоцкій въ 1810 году ѣздилъ въ Польшу, надѣясь встрѣтить тамъ мессію Поляковъ, пришедшаго изъ Франціи, и прожилъ тамъ до 1816 года. Послѣ вторичнаго ниспроверженія тирана и послѣ взятія его въ плѣнъ, Графъ Потоцкій, лишившись всякой надежды, оудрученный горестію, возвратился въ Россію и пріѣхалъ въ Харьковъ. Нѣкоторые Профессоры Французскаго происхожденія и единомышленники ихъ тотчасъ собрались къ нему и показали ему отъ мѣста въ моихъ книгахъ, гдѣ тирана Европы и страшная тисцена Французской націи изобразилъ живописно. Послѣ этого Графы рѣшились погубить меня. Трудно было это сдѣлать, потому что я вездѣ пользовался превосходнѣйшею славой; а потому, чтобы легче достигнуть своего намѣренія, онъ пригласилъ себя въ помощь Антона Дегурова, бывшаго тогда Профессора Исторіи въ Харьковѣ. Во время Французской революціи Дегуровъ былъ въ Парижѣ книгопродавцемъ и обшенимъ демагогомъ, какъ явствуетъ изъ его сочиненій, изданныхъ въ Парижѣ. Онъ давно уже ненавидѣлъ меня за то, что я въ изданныхъ мною книгахъ, вывелъ на свѣтъ и ясно всѣмъ представилъ тиранство Наполеона и тѣ отвратительныя преступленія, которыми опозорила себя во время революціи и послѣ, Французская нація. Этому человѣку поручилъ Графъ Потоцкій обвинить мои книги, а особенно: «*Jus naturae*» и «*De viris illustribus Romae a Romulo usque ad Augustum*». Мое сочиненіе «*Jus naturae*» написано съ нѣкоторымъ нравственнымъ и религіознымъ энтузіазмомъ, и всякій, кто его прочитаетъ, не можетъ не признаться, что въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что могло бы возбудить любовь къ оте-

ИНДЕКТО 91

12 Потоцкій дѣйствительно все время нашей войны съ Наполеономъ жилъ въ Польшѣ. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Февралѣ 1811 года (см. засѣд. Совѣта 15 Февр.), и снова вступилъ въ должностъ Попечителя въ Мартѣ 1816 года (Засѣд. Сов. 6 Марта).

честву, вопреки бѣшенству Французскому. Эта книга есть вѣчный памятникъ моей любви къ добродѣтели, къ благочестію и къ Россіи, которую я почиталъ моимъ любезнѣйшимъ отечествомъ. Я написалъ эту книгу въ то самое время, когда Наполеонъ, съ безчисленными полчищами, былъ выгнанъ изъ Россіи съ великимъ безчестіемъ и преслѣдуемъ торжествовавшими Русскими даже до Парижа. А по тому эта книга написана не сухимъ какимъ-нибудь и школьнымъ слогомъ, а ораторскимъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэтическимъ. Въ другой книгѣ, изданной мною по порученію Совѣта Харьковскаго Университета, для употребленія въ Гимназіяхъ, я старался, посредствомъ образцовъ добродѣтели, извлеченныхъ мною изъ классическихъ писателей, возжечь въ сердцахъ, изучавшихъ Латинскій языкъ, искру небеснаго огня, который отъ природы заключенъ въ чувствѣ истиннаго, прекраснаго и честнаго. Эти обѣ книги могутъ послужить поводомъ къ обвиненію развѣ только для безстыднѣйшихъ клеветниковъ. Но Дегуровъ, поддерживаемый могущественнымъ своимъ покровителемъ, Попечителемъ, и воспламененный противъ меня ненавистью и мщеніемъ, такъ обвинилъ мои книги, что всякій, внимательно и безпристрастно читавшій ихъ, не можетъ не прійти въ изумленіе отъ его дерзкой клеветы, коварства и обмана. Такъ погубилъ меня Попечитель, увѣривши новоопредѣленнаго тогда Министра Народнаго Просвѣщенія, Князя Голицына, что онъ такое обвиненіе противъ меня цѣлый годъ весьма строго и добросовѣстно разбиралъ, и наконецъ нашелъ его совершенно справедливымъ; что онъ находитъ меня человекомъ опаснымъ, а мою философію пагубною для обучающагося юношества, и полагаетъ необходимымъ не только лишить меня должности Профессора, но и выслать меня изъ Россійской Имперіи.

«Кто не повѣрилъ бы свидѣтельству такого важнаго мужа, какъ Попечитель Университета? Посредствомъ такого коварства Министръ, который меня вовсе не зналъ, былъ вовлеченъ въ необходимую и неизбежную ошибку; а я, со всѣмъ моимъ семействомъ, которое и теперь скитается по Россіи, повергнуто въ величайшую бѣдность. Даже остатки моего имѣнія, спасенные какъ бы послѣ кораблекрушенія, доселѣ ни мнѣ, ни моему семейству, не отданы.

Умоляю Ваше Превосходительство и заклинаю васъ именемъ Иисуса Христа, который не только пострадалъ за насъ на крестѣ, чтобъ, избавивши насъ отъ рабства грѣха и вѣчной смерти, даро-

вать намъ вѣчную и блаженную жизнь, но и снова придетъ иѣ-когда судить родъ человѣческій и наказать особенно притѣсни-телей невинныхъ, прошу васъ еще и еще, употребить ваше ста-раніе, сколько возможно, чтобы такая тяжкая обида, причинен-ная мнѣ и моему семейству, посредствомъ самой коварной клеве-ты, была сколько ни будь вознаграждена. Ожидая этого отъ ва-шей любви къ добродѣтели и религіи, съ величайшимъ почтеніемъ остаюсь» и пр.

По отѣздѣ Шада изъ Харькова, Университетъ довольно долго занимался его долговыми претензіями. Всѣ эти претензіи доказываютъ, что онъ въ Харьковѣ успѣлъ составить весьма при-личное состояніе, между тѣмъ какъ большинство Профессоровъ, въ слѣдствіе необыкновенно усилившейся дороговизны отъ страш-наго упадка курса въ Наполеоновскія войны, вошло въ долги и доведено было до рѣшенія обратиться соборнымъ письмомъ къ Министру съ просьбою о пособіи. По письму Шада изъ Іены, Министръ, отъ 20 Марта, 1820 года, относился къ Попечителю и требовалъ распоряженій по слѣдующимъ претензіямъ: о взысканіи съ Адъюнкта Робуша 1,000 рублей по векселю, выданному имъ женѣ его: Шадъ проситъ препроводить эти деньги женѣ въ Пе-тербургъ; о взысканіи съ Адъюнкта Комлишинскаго 5000 р. съ процентами по векселю, выданному также его женѣ: полученіе этихъ денегъ онъ тоже предоставляетъ женѣ; остальные же сум-мы, слѣдующія ему по векселямъ, выданнымъ на его имя, по взысканіи ихъ, проситъ переслать Веймарскому Правительству, которое употребить ихъ на содержаніе сына его, обучающагося Медицинѣ. Въ Іюль того же года, Попечитель предписываетъ Уни-верситету по долговымъ претензіямъ Шада спосылать непосред-ственно съ женою его, жившею въ Петербургѣ, чрезъ Дудровича, «имѣющаго по дѣламъ его ходженіе.» Взысканіе, однако, шло ме-дленно, и Правленію Университета было много хлопотъ съ нимъ; особенно затруднительно было взысканіе съ главнаго должника, Комлишинскаго. Въ Сентябрѣ Варвара Шадъ обратилась къ По-печителю съ письмомъ (весьма безграмотно написаннымъ), въ ко-торомъ она горько жалуется на несостоятельность Комлишинска-го. ¹⁴ Наконецъ Правленіе приняло рѣшительныя мѣры: 6 Ноября,

¹⁴ Замѣчательно слѣдующее мѣсто этого письма: «Г. Комлишинскій въ силахъ го-раздо больше уплатить этой суммы, если онъ уверитъ васъ своимъ недостат-

оно донесло Попечителю, что, «для обезпеченія должныхъ Г. Комлишинскимъ Госпожѣ Шадъ денегъ, постановлено удерживать все его жалованье въ уплату оныхъ, доколѣ онъ въ возможности будетъ заплатить всю капитальную сумму съ причитающимися процентами.» Въ то же время Правленіе отнеслось въ Гражданскую Палату, для наложенія запрещенія на имѣніе Комлишинскаго. Дѣло шло такъ поспѣшно, что Попечитель еще въ томъ же Ноябрьѣ требовалъ немедленнаго увѣдомленія, «какое имѣніе взято будетъ подъ запрещеніе, и сколько изъ жалованья удержится денегъ, которыя должны быть отправлены къ Госпожѣ Шадъ, чрезъ Г. Профессора Дудровича, имѣющаго отъ нея довѣріе.»

комъ, то это одна отговорка, или скажить на шеть векселя, его не помеха, и онъ долженъ уплатить, об етомъ известно правительству и какъ скоро получу отъ него споина вею сумму, пришлю къ нему такую бумагу, которая обезпечитъ его совершенно.»